Жаклин УИЛСОН
ВИКИ-АНГЕЛ

Вики моя лучшая подруга. Мы ближе, чем сестры, и никогда не расстаемся. Из-за этого в школе нас называют близнецами. Мы дружим еще с детского сада, с тех самых пор, когда я подкралась к ней около умывальника, где она набирала воду в свой игрушечный пластмассовый чайник. Вики скорчила смешную рожицу, подняла красный чайник и стала меня поливать. Ее потом отругали, но я совсем не обиделась и смиренно стояла под искусственным ливнем, польщенная ее вниманием. Мама рассердилась, потому что мои позолоченные заколки покрылись ржавым налетом, а мне было все равно. Вики ничего не сказала, но я поняла: мы стали друзьями.

Мы дружили и в начальной школе, и когда нас перевели в Даунфилд. Даже Вики притихла, придя первый раз в седьмой класс, — ведь мы никого там не знали.

Не то что теперь — все девятиклассники горят желанием с ней подружиться, но мы неразлучны и везде появляемся только вдвоем. Будем дружить всегда-всегда: и в школе, и в колледже, и на работе, и неважно, влюбимся мы в кого-нибудь или нет, — у Вики и так полно друзей-мальчишек, но нам никто не заменит друг друга. Вместе мы ходим в школу, сидим за одной партой, а после занятий торчим или у Вики дома, или у меня. Честно говоря, у нее мне больше нравится.

Пора уходить из школы, но мы стоим около большого объявления о работе кружков.

Нашему новому директору не нравится, что Даунфилд считают дырой, — во что бы то ни стало мы должны улучшить успеваемость, а после уроков найти себе дело по интересам. — И так в школу ходить не хочется! Какой дурак по собственной воле захочет оставаться еще и после уроков?! — воскликнула Вики.

Я по привычке кивнула — всегда с ней соглашаюсь. Просто, прочитав в объявлении про драмкружок, я расстроилась, — с раннего детства мечтаю стать актрисой. Знаю, это глупо, да и особых способностей у меня нет. Никому в нашем районе не удавалось добиться в жизни чего-нибудь выдающегося. Даже самые красивые, богатые и талантливые дети вряд ли потом смогут прожить на актерские заработки. Но так хочется на сцену! Я никогда не участвовала в театральных постановках — школа не в счет. Во втором классе я была ангелом в рождественском спектакле. Вики получила роль Марии.

В седьмом классе мисс Гилмор (сейчас она руководит секцией английского языка и драмкружком) поставила с нами пьесу «Жаба из Тоуд-Холла». Я очень хотела получить роль жабы, но мисс Гилмор выбрала Толстого Сэма. Из-за сходства с персонажем. У него тогда хорошо получилось. Даже очень! Но меня не покидает тайная мысль, что я сыграла бы лучше.

Нам с Вики дали роли лесных зверьков. Вики была очаровательной белочкой с большим пушистым хвостом. Она как-то по-особому прыгала, смешно грызла орешки и в конце пьесы сорвала много аплодисментов. Мне дали роль горностая. Понятие «очаровательный» с этим существом не вяжется. Я постаралась сыграть очень хитрого и злобного горностая, который прячется по укромным местам, вынашивая свои коварные планы, но мисс Гилмор подтолкнула меня вперед и сказала:

— Не тушуйся, Джейд! Нечего бояться!

У меня не было возможности ей объяснить, что я изображала хитрость, а не застенчивость. Я недолго переживала. Вряд ли Джуди Денч наградили бы за роль горностаая аплодисментами.

Мне не хотелось играть животных. Гораздо интереснее изображать людей. Если дома никого нет — Вики занята, мама на работе, а папа спит, — я расхаживаю по гостиной и декламирую отрывки из всех мыльных опер, которые показывают по телевизору, или читаю монологи Клер Дейнз из «Ромео и Джульетты», или сочиняю пьесы. Иногда пародирую знакомых, но всегда представляю Вики. Закрываю глаза и слышу ее голос, а когда начинаю говорить, то делаю это, как она, и потом, уже открыв глаза, все равно остаюсь Вики — ее длинные густые и блестящие волосы рассыпались по плечам, зеленые глаза сверкают, а на губах играет знаменитая озорная усмешка. Я танцую по комнате до тех пор, пока не увижу своего отражения в большом зеркале над камином — бледную, печальную физиономию и тощую фигурку девочки-призрака, которая оживает, когда превращается в Вики.

— Пошли, — говорит Вики и тянет меня за руку.

Я еще раз читаю объявление о драмкружке.

Вики теряет терпение:

— Неужели ты хочешь ходить в этот скучный кружок?

— Да нет, конечно нет, — отвечаю я, хотя мне очень даже хочется, и Вики прекрасно это известно. Ее зеленые глаза поблескивают, как будто она надо мной посмеивается.

Глубоко вздохнув, я говорю:

— Ну, может, мне интересно.

Нельзя же, чтобы тобой всегда помыкали! Когда-то ведь нужно и постоять за себя! Это трудно, если ты давно привыкла делать то, что велит Вики.

— А ты не хочешь пойти со мной? — спрашиваю я.

— Ты что, шутишь?! Кружком руководит мисс Гилмор, а я ее терпеть не могу!

Почти все учителя обожают Вики, даже когда она нагло себя ведет, но мисс Гилмор часто бывает с ней довольно резка, как будто Вики ее раздражает.

— Знаю, мисс Гилмор — ужасная зануда, — тактично соглашаюсь я. — Но, может, Вики, там будет очень весело и интересно. Ну пожалуйста, давай запишемся! Держу пари — ты получишь лучшие роли!

Вовсе не обязательно! — отвечает Вики. И вообще, я не люблю играть на сцене. Не вижу в этом никакого смысла. Как будто участвуешь в глупой детской игре. Не понимаю, что ты в этом нашла, Джейд.

— Ну, просто... Знаешь, Вики, я хочу стать актрисой, — говорю я и чувствую, как густо краснею.

Мое желание настолько сильно, что я всегда покрываюсь краской и отвратительно выгляжу, когда заходит речь о сцене. Неожиданный прилив крови к бледному лицу особенно заметен на фоне тусклых светлых волос.

— Мне очень хочется работать на телевидении, но быть там самой собой. Скажи, ты меня представляешь в роли ведущей?

Вики начинает смешно изображать, как ее показывают по телевизору, — она превращает школьный галстук в микрофон, а потом в тряпичную куклу, которая сникает и падает в

изнеможении, когда ее отчитывают за непослушание.

Вики всегда меня смешит. Она удивительно способная! Уверена, ее обязательно возьмут на телевидение. Она кого хочешь сыграет не хуже любой актрисы!

— Ну пожалуйста, Вики! Давай запишемся в драмкружок! — прошу я.

— Сама иди в свой дурацкий кружок!

— Одной мне не хочется.

Я повсюду хожу с Вики и даже представить себе не могу, что можно куда-нибудь отправиться самостоятельно. Все пойдет наперекосяк!

— Не глупи, Джейд! Иди, если хочешь. Не вечно же нам ходить парой, как будто у нас бедра приросли друг к другу.

Она легонько хлопает себя по бедрам:

— Эй, ребята, хватит расти! Я и так соблазнительно выгляжу! А ты, толстая! — говорит Вики, ущипнув себя за попку. — А ну, быстро худей! Кому сказала?!

— У тебя потрясающая фигура! Ты сама это прекрасно знаешь. Хватит выпендриваться! — говорю я, слегка толкнув ее локтем.

Потом беру Вики под руку — вот мы и снова соединились.

— Ну пожалуйста, красотка, пойдем со мной в драмкружок!

— Нет! Послушай, ты ведь тоже не станешь автоматически делать то, что я захочу, — отвечает Вики, тряхнув волосами так, что они щекочут мне лицо.

— Нет, стану. Ты же знаешь. Ради тебя я куда угодно вступлю, — говорю я.

Глаза Вики сверкнули знаменитым изумрудным блеском.

— Ладно, — сказала она, пробежав глазами по другим объявлениям. — Так и быть, пойду с тобой в дурацкий драмкружок, если будешь со мной заниматься бегом.

— Что?!

— Решено! Итак, драмкружок по средам после школы, а «Бег ради удовольствия» — по пятницам. Начинаем новую светскую жизнь, как кинозвезды.

— Ты шутишь?

— Вот еще! И не думаю! — отвечает Вики, вытаскивая фломастер и внося наши фамилии в оба списка.

— Ты же знаешь, я не умею бегать, — хнычу я.

Со спортом у меня всегда были проблемы. Больше всего ненавижу бег. Сразу начинает болеть бок, сердце бьется как сумасшедшее, мучает одышка, и я не успеваю за остальными — в любом соревновании прихожу последней.

Вики отлично бегаёт и всегда выигрывает, если захочет. Но раза два она специально топталась на месте, чтобы составить мне компанию. Иногда она берет меня за руку и буквально тащит за собой.

Вот и сейчас она дергает мою руку:

— Пошли, пора на волю из этой дыры!

— Вики, послушай! Мне придется себя вычеркнуть. Ты же знаешь, даже если нужно будет спасаться бегом, у меня ничего не получится.

— Ну, не накручивай себя, Джейд, — говорит Вики и вдруг делает мне саечку. Знаю, что не со зла, но все равно больно. — Речь идет не о беге вообще, а о беге ради удовольствия,

поэтому не надо к этому серьезно относиться.

А как еще прикажете?! Представляю, как я тащусь позади всех, вспотевшая, красная, как свекла, а Вики несется впереди с мальчишками, которые из кожи вон лезут, чтобы ей понравиться, — поигрывают мускулами, откидывают волосы со лба...

— Не буду бегать! — говорю я и вырываю руку. Потом вычеркиваю наши фамилии из списков и выскакиваю из школы на игровую площадку. Вики скачет вокруг меня и издевается. Терпеть не могу, когда она в таком настроении.

— Не сердись, Джейд!

Легко сказать! Мне становится по-настоящему грустно. Почему всегда так бывает? Почему обязательно нужно делать то, что хочет Вики?! Даже если хоть что-нибудь происходит по моему, Вики не упустит своей выгоды.

Сейчас она не на шутку развредничалась: щекочет меня, дергает за волосы, пытается растянуть мне губы в улыбку.

— Хватит дуться! — говорит она, когда мы выходим из школьных ворот.

— Отстань, Вики! — фыркаю я.

Она замахивается на меня портфелем. Мы обе знаем, что Вики собирается промахнуться, но я специально стою на месте, и она сильно ударяет меня по бедру. Становится очень больно.

— Ну почему ты не отошла в сторону, Джейд? — спрашивает Вики, потирая мне бедро.

— Отстань! — Я шлепаю ее по рукам. — Как же, стукнула меня портфелем, а я еще и виновата!

— Да я сейчас тебе снова портфелем заеду, но уже по голове! Слышала бы ты себя! — смеется Вики.

Но мне не до смеха, даже когда Вики корчит смешную рожицу, закатывает глаза и высовывает острый язык.

— Пора повзрослеть, Вики!

— Еще чего не хватало! — кричит она, выбежав на дорогу,

и потом

и потом

машина

скрип тормозов

пронзительный крик

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ КРИК

и тишина.

2

Я не могу прийти в себя. Этого не может быть! Как в страшном сне! Всего-то нужно моргнуть, проснуться и рассказать Вики.

Вики Вики Вики Вики Вики

Я подбегаю к ней.

Она лежит перед машиной лицом вниз, как будто спрятавшись под длинными рыжими волосами. Я становлюсь перед ней на колени, дотрагиваюсь до руки:

— Вики?!

— Ты ее знаешь? О боже, она?..

Это говорит водитель. Мужчина в сером костюме, с побелевшим лицом. От шока у него на лбу выступили капли пота. Он тоже наклоняется и пытается ее поднять.

— Не прикасайтесь к ней!

Не могу видеть, как до нее дотрагиваются, но он меня не понимает.

— Да, конечно, может быть... у нее поврежден позвоночник. О господи, не могу поверить! Я просто ехал мимо, медленно, не больше сорока километров в час. Она выбежала прямо передо мной...

— Вызовите «скорую»!

— Да! Да, телефон... — Он дико озирается по сторонам. — Мой мобильный в машине...

— Ничего, мы уже вызвали, — говорит выбежавшая из дома женщина. Она обнимает меня:

— С тобой все в порядке, милая? Пойдем ко мне!

— Нет, я останусь с Вики, — с трудом выговариваю я.

У меня зуб на зуб не попадает. Почему так холодно? Я смотрю на Вики. Рука у нее теплая, но я срываю с себя школьный пиджак и накрываю ее.

— Сейчас приедет «скорая помощь». Уже скоро. Скоро, — говорит женщина, как заведенная пластинка. Она вздрагивает: — И полиция.

— Полиция? — спрашивает водитель, задыхаясь от волнения. — Это просто несчастный случай! Она выбежала прямо перед машиной! Я ничего не смог сделать! Вы же видели, правда?

Она видела. Нас окружают люди. Они все видели. Видели меня и Вики.

Вики. Дрожащей рукой я убираю ей волосы с лица. Она лежит прижавшись щекой к асфальту. Будто спит. Ни одной царапины. Можно подумать, сейчас она улыбнется.

Конечно, она цела и невредима. Это один из ее всегдашних приколов. Через секунду Вики сядет и громко рассмеется: «Вот вы и попались! Я вас всех провела! Думали, я умерла?»

Вот что она скажет, и я слегка трясую ее за плечо, чтобы она поскорее пришла в себя.

— Не надо! — говорит женщина. — Пусть бедная малышка полежит.

Водитель встает на колени рядом с Вики. На этот раз он не пытается до нее дотронуться, а лишь склоняется над ней.

— Она дышит? — шепотом спрашивает он.

— Конечно, дышит! — отвечаю я. — Она не сильно ушиблась. Этого не может быть! Ведь крови совсем нет!

Скоро все пройдет! В любую минуту Вики откроет глаза.

Проснись, Вики!

Проснись, Джейд! Очнись ото сна! Нет, лучше перемотай пленку назад! На минуту, на две минуты, вот и все! Как раз до того кадра, когда Вики над тобой смеется, а потом... а потом... а потом...

А потом я тоже рассмеюсь ей в ответ, и мы, глупые, счастливые и здоровые, вместе пойдем под руку домой...

— Вики, — шепчу я. Я плачу, по щекам катятся слезы, нос тоже течет, ну и пусть. — Вики, ну Вики!

Мне так много нужно ей сказать, но рядом водитель и чужие женщины. Гудит сирена — приехала «скорая помощь». Подходят люди. Кто-то пытается мне помочь, хотя мне не хочется двигаться. Нужно остаться с Вики.

Они поднимают ее и перекладывают на носилки. Рука Вики падает, ноги волочатся, но на вид она цела — нигде ни царапины. Все должно быть в порядке.

— Она умерла? — шепчет женщина.

— Дышит, — говорит врач.

— Слава богу, слава богу, — говорит водитель.

Они что-то бормочут, гудят сирены, со мной говорит полицейский, и я вижу, что носилки с Вики поднимают в машину.

— Я должна поехать с ней! Должна! — расталкивая всех, кричу я.

Кто она такая? Была ли я там, когда ее сбила машина? Что произошло на самом деле?

Но я не могу ни думать, ни разговаривать и повторяю только одно слово: «Вики!»

— Она в шоке. Нужно отвезти ее в больницу и осмотреть. Лучше с ней позже поговорить, — замечает врач «скорой помощи».

Она помогает мне забраться в машину и сесть рядом с Вики. Ее коллега осматривает Вики, слушает, бьется ли сердце, щупает пульс.

— Ты подруга Вики? — спрашивает она меня. — Как тебя зовут, дорогая?

— Джейд.

— Мы сделаем для нее все, что можно, Джейд, — говорит она, и машина «скорой помощи» трогается.

Давным-давно, еще в детском саду, мы с Вики любили играть в игру «Нии — Наа» — носились по комнате, размахивая толстыми детскими ручками, и воображали, что управляем машинами «скорой помощи», которые мчатся в больницу.

Когда завывала сирена, веки Вики не дрогнули.

— Она не слышит!

— Может, слышит. Попробуй с ней поговорить! Подойди поближе! Только следи за своими движениями. Нельзя на нее наваливаться всем телом. Ты уверена, что сама не пострадала? Машина тебя не задела?

— Нет, я была на тротуаре. Вики со мной разговаривала. Все произошло так быстро. Я... Я...

Меня пробирает дрожь.

— Там есть лишнее одеяло. Накройся!

Я накрываюсь с головой и сжимаюсь в комочек под темно-серым одеялом, будто пытаюсь приглушить сильную боль.

Врач проверяет, дышит ли Вики, приоткрывает ей глаза, светя в них фонариком.

Я тоже всматриваюсь в глаза Вики. Знаменитый блеск исчез. Наверное, она меня не видит.

— Это я, Вики, — Джейд! Вики, пожалуйста, очнись! С тобой все будет хорошо! Пожалуйста, пообещай мне! Я буду за тобой ухаживать, останусь с тобой в больнице. Вики, я пойду в кружок по бегу, если ты этого все еще хочешь, и нам необязательно записываться в драмкружок. Наверное, я сама себя обманываю. Какая из меня актриса?! Мне все равно. Единственно, кто мне нужен, это ты. Мне просто хочется, чтобы ты была жива и здорова. Не умирай, пожалуйста! Не можешь же ты меня оставить! Я тебя люблю, Вик! Я так сильно тебя люблю!

Мне хочется, чтобы женщина со «скорой помощи» сказала мне, что я сумасшедшая и что Вики не умрет. У нее просто небольшое сотрясение мозга. В любую минуту она может очнуться. Это же ясно как белый день!

Она ничего не говорит и продолжает осматривать Вики. «Скорая помощь» с воем сирены движется вперед, преодолевая транспортные заторы. Я не слежу за тем, куда мы едем. Мне плохо, очень плохо. Ноги подкашиваются.

— Сядь, милая! Сделай несколько глубоких вдохов, — говорит врач, едва взглянув на меня. Я не могу сесть. Нужно быть рядом с Вики и держать ее за руку.

— Ей будет больно? — спрашиваю я, крепко сжимая ее руку.

— Нет, но надо сесть. Не хватало еще тебе упасть в обморок! Сразу с двумя мне не справиться!

— Я не потеряю сознания, — сердито отвечаю я, хотя мне кажется, что оборудование внутри «скорой помощи» кружится вместе со мной.

Рука Вики еще теплая. Я знаю ее, как свою собственную, — короткие круглые ногти, покрытые серебряным лаком, кое-где облупившимся, и необычное серебряное кольцо на большом пальце, мой подарок на Рождество. Я хотела и себе купить такое, но денег не хватило, и к тому же оказалось, что оно мне велико. Я так сильно сжимаю руку Вики, что на ее ладони появляются отпечатки моих пальцев.

Мы нашли книгу по хиромантии на распродаже домашних вещей, но я так и не научилась разбираться в линиях руки. Вики притворилась, что может по ладони рассказать о своем будущем: она проживет долго-долго, выйдет два раза замуж и родит четверых детей.

— Не забудь, Вики, ты будешь жить долго! Помнишь про двух мужей и всех своих детей? — напоминаю я, изо всех сил сжимая ей руку.

Вики не отвечает на мое пожатие и тихо лежит с закрытыми глазами — лицо бледное, рот слегка приоткрыт, как будто она собирается что-то сказать. Но она не произносит ни звука. Одна я говорю всю дорогу и крепко держу ее за руку. Когда машина останавливается около травматологического отделения, приходится ее отпустить. Я бегу рядом, но вдруг появляется бригада врачей и куда-то ее увозит.

В полной растерянности я остаюсь одна.

Со мной разговаривает медсестра. Она спрашивает, как меня зовут, но в голове такая путаница, что вместо своего имени я называю Вики, ее адрес, как будто она полностью

завладела моей волей. Соображаю, что я наговорила, только тогда, когда мне предлагают чаю: «Вот, Вики, попей!»

Зубы стучат о края фарфоровой чашки.

— Я не Вики, — говорю я и начинаю плакать. — Пожалуйста, скажите, что с ней? Ей станет лучше? У нее ни одного синяка нет... Все будет хорошо, да?

Меня обнимает медсестра:

— Пока мы не можем сказать ничего определенного. У нее могут быть серьезные внутренние повреждения. Сейчас нам надо побыстрее связаться с ее родителями. Ты не знаешь, где они работают?

Я механически отвечаю на вопрос. Вижу полицейского и что-то ему тоже говорю, но больше не могу думать нормально. Выпиваю еще чашку чаю, но, когда пробую проглотить шоколадное печенье, приходится бежать в туалет, потому что меня тошнит.

Теперь я не могу избавиться от дурного привкуса во рту. Ко мне подходят медсестры и говорят со мной, но я веду себя тише обычного, чтобы они не подумали, будто у меня всегда пахнет изо рта. Не знаю, как быть! У меня на завтра куча заданий — по

французскому, истории и математике. Мы всегда вместе делаем математику — Вики гораздо способнее меня. Проверяем друг друга по французскому — самой мне не справиться. С ума я, что ли, сошла — беспокоюсь о таких глупостях, как запах изо рта и домашняя работа, когда моя лучшая подруга, может быть, умирает в конце коридора!

Она ни за что не умрет! Вики — самая живая девочка на свете! Когда она совсем поправится, мы будем вспоминать об этом, как о страшном сне. Я ее крепко обниму и скажу: «Я думала, ты и вправду умрешь», — и она рассмеется, скорчит смешную рожицу: вывалит язык, выпучит глаза... Потом станет заливать, что она почувствовала, когда ее душа отделилась от тела. Да, она расскажет, как вылетела из тела, закружилась под потолком и стала без маски смотреть на операции и щекотать макушку самого красивого хирурга.

Потом она пронеслась по всем коридорам, увидела, что я плачу, сцепила свой мизинец с моим (наш секретный знак) и снова вернулась в свое тело, чтобы мы могли расти вместе, как сестры.

3

— Можно, я пойду к Вики? — прошу я.

— Нет, милая, сейчас ею занимаются врачи, — говорит медсестра.

— Честное слово, я не буду мешать! Я могу держать ее за руку, как в машине «скорой помощи».

— Да, да, ты мужественная девочка. Ты сделала для Вики все, что могла. Может, сейчас тебе лучше пойти домой?

— Я не могу!

— А как же твоя мама? Разве она не будет волноваться?

— Мама на работе, а папа думает, я у Вики.

— Нам все равно нужно с ними связаться.

Но она отвлеклась от разговора о моих родителях, потому что в отделение неожиданно вбегают мама и папа Вики. Миссис Уотерс примчалась прямо с занятий аэробикой в трико ярко-розового цвета. Поверх него для приличия надеты чужие тренировочные штаны, которые ей велики. Мистер Уотерс так и не успел снять желтую монтажную каску. Они с тревогой озираются по сторонам и вдруг замечают меня:

случилось

—

Крик в голове не смолкает. Он такой громкий, что, наверное, его все слышат...

— Сбила машина? О боже! О боже!

— Не надо паниковать. Увидишь, с ней все будет в порядке, — говорит мистер Уотерс, глядя на медсестру и на меня. — Где она?

— Подождите секунду, сэр, — отвечает та и выбегает из комнаты.

дочь

Мама Вики пристально смотрит на меня:

— Тебя тоже сбили, Джейд?

Я качаю головой:

— Только Вики. Я говорила, она бросилась...

— Разве ты не могла ее остановить?

Не дожидаясь ответа, она бежит за мистером Уотерсом. Я замираю на месте и не понимаю, что плачу, пока в комнату не возвращается медсестра и не сует мне в руку пачку бумажных носовых платков.

— Ну-ну, не плачь. Она не хотела тебя обидеть. Она даже не поняла, что сказала. У нее шок.

— Но почему я ее не остановила?! — реву я.

— Не плачь, не надо! Давай позвоним твоей маме на работу. Нужно, чтобы здесь с тобой кто-нибудь был.

Единственно, кого я сейчас хочу видеть, это Вики. Какая несправедливость! Ее маму с папой пустили, а меня нет!

Они возвращаются и садятся на стулья напротив меня. Мистер Уотерс снял каску, но миссис Уотерс не обращает на свой наряд никакого внимания. Ее посеревшее лицо кажется особенно бледным на фоне ярко-розового трико.

— Она в коме, — шепчет миссис Уотерс. — Доктор говорит...

Она не может закончить предложения.

— Погоди, они всего не знают. Люди часто выходят из состояния комы.

— Но ее мозг...

— Мы будем ей помогать. Снова станем учить. Я знаю, наша девочка поправится, а если нет — она все равно останется нашей Вики! Мы будем так же ее любить, заботиться...

— Наша Вики — растение, — с трудом выговаривает миссис Уотерс.

— Нет, нет. Давай не будем... Мы пугаем бедную Джейд, — говорит мистер Уотерс и, наклонившись, гладит меня по коленке.

Я не могу на них смотреть — вместо этого закрываю глаза и начинаю молиться. Даю всевозможные обещания. Только бы Вики поправилась! Крепко зажмурившись, я по семь раз повторяю одно и то же, чтобы мои молитвы были услышаны. Они думают, я заснула, и шепчутся, без конца задавая себе один и тот же вопрос.

— Почему именно наша Вики? — повторяет миссис Уотерс.

Знаю, она хочет сказать: «Почему не Джейд?» Я решила — всегда буду рядом с Вики! Иногда придется уходить домой, но в школу больше не вернусь. Стану каждый день дежурить у ее кровати, держать за руку, и, может быть, может быть, когда-нибудь мне удастся спеть какую-нибудь песню или рассмешить ее... Тогда туман в ее голове рассеется, она вдруг откроет глаза, ответит на мое рукопожатие и превратится в прежнюю Вики. Даже если этого не произойдет, все равно буду рядом! Когда ее выпишут, стану постоянно ее навещать, возить в инвалидном кресле по нашим любимым местам, причесывать, как она любит, наряжать в самые красивые вещи. Постараюсь, чтобы она всегда выглядела, как Вики, что бы ни случилось. Когда мы вырастем, попытаюсь снять квартиру для нас двоих. Будем жить на пособие или на что-нибудь еще, и нам будет хорошо вместе. Люди подумают: она приносит свое будущее в жертву Вики... Но без нее о каком будущем может идти речь?!

— Мистер и миссис Уотерс, пройдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

Открываю глаза и вижу еще одну медсестру и молодого усталого врача с грязными прямыми волосами. Бедная Вики — она-то думала, что ее будет лечить кто-нибудь похожий на Джорджа Клуни!

Не понимаю, почему их вызвали в кабинет. Чтобы обсудить лечение? Может быть, они собираются ее оперировать? Я вижу, как они уходят, и снова даю клятвы. Процесс усложняется — нужно сосчитать до ста, потом встать, повернуться вокруг себя, снова сесть, встать, опять сосчитать до ста. Наверное, кто-то скажет: «Вот чокнутая!» Кому какое дело? Во всяком случае, можно сделать вид, что просто хочу немного размяться. Если успею беспрепятственно досчитать до тысячи, с Вики все будет в порядке. Нужно постараться ради нее. Считаю, считаю, считаю. Вот уже добралась до последней сотни, сбилась, опять сбилась, внимательно считаю до шестидесяти и семидесяти, чтобы не ошибиться. Нужно все делать как следует! Нельзя останавливаться! Никак нельзя!

Плачут. Мистер и миссис Уотерс плачут.

Мне нельзя мешать!

— Джейд, — снова обращается ко мне медсестра.

— Нет, — отвечаю я, трясая головой, — восемьдесят один, восемьдесят два, почти досчитала, восемьдесят три...

— Джейд, наша Вики, она не смогла... — рыдает мистер Уотерс.

Знаю, что он хочет сказать, конечно, знаю, но не могу этого слышать!

— Что не смогла? — спрашиваю я.

Миссис Уотерс тихо стонет. Он ее обнимает.

— К сожалению, Вики умерла, — тихо говорит медсестра.

Я стою, крепко сжимая кулаки и не веря своим ушам. Если им совсем не поверить, возможно, не случится самое страшное.

— Пошли, Джейд, — говорит мистер Уотерс. — Тебе лучше поехать с нами.

— Мне... лучше я останусь здесь.

Я буду здесь, когда Вики неожиданно очнется, сядет в кровати и они поймут свою ошибку. Не может быть, чтобы она умерла. Я ей не позволю!

Мистер Уотерс беспокоится обо мне, но ему надо думать о жене. Похоже, она не сможет находиться со мной в одной машине. Они уходят и оставляют меня на попечение медсестры.

— Не может быть, чтобы Вики умерла, — шепчу я.

— Знаю, как трудно в это поверить, но это правда.

— Она в коме. Когда ты в коме, люди думают, что ты умер.

— Милая! Мы все проверили — Вики умерла.

— Почему нельзя подключить ее к системе жизнеобеспечения? Или сделать массаж сердца?

— Врачи работали не покладая рук. Все хотели, чтобы Вики выжила, но у нее слишком серьезные внутренние повреждения. К тому же она перенесла сильный сердечный приступ. Никто не смог ее спасти. Нам всем очень горько.

— Я хочу ее видеть.

— Нельзя, милая. Ты не родственница.

— Я ей как сестра.

— Знаю, знаю.

— Не знаете, никто не знает, никто, кроме Вики.

Она пытается меня обнять, но я вырываюсь и бегу по коридору. Резиновые подошвы школьных туфель скрипят по натертому полу. Они издают странные звуки, будто за мной кто-то гонится. Только бы это была Вики...

Выбегаю из больницы. Мчусь куда глаза глядят. Бегу и бегу. Вообще-то, я не умею бегать, но сейчас не могу остановиться. Вперед, вперед, в город... Школьная сумка больно бьет меня по спине. Что произошло с портфелем Вики? Интересно, где сейчас ее вещи? А одежда? Она все еще в школьном пиджаке, галстук и слишком короткой юбке под больничной простыней?

Куда бегу, не знаю... Нужно замедлить ход и сориентироваться, но я не могу остановиться. Каблуки грохочут по асфальту. Дыхания не хватает. В боку колет, словно туда вставили острые колья. Наскакиваю на прохожих, спотыкаюсь, сбиваю колени, как маленький

ребенок. Мне больно, с ноги капает кровь, но я продолжаю бежать к школе. Меня не остановить!

Около ворот столпился народ. Куда они смотрят? Там, на проезжей части, где лежала Вики, кто-то положил букет красных роз. Как будто капли крови волшебным образом преобразились в цветы с нежным ароматом.

Я замираю, качиваюсь, не в силах оторвать взгляд от букета. Кто-то написал на траурной ленте: ДЛЯ ВИКИ. Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ. Вики умерла всего час назад, но уже превратилась в легенду.

— Ух! Всегда мечтала об огромном букете роз! — говорит Вики.

Я поворачиваюсь. Вот она, у меня за спиной. Длинные волосы колышутся на ветру. Моя Вики. Живая!

Она ухмыляется при виде моего лица:

— Можно подумать, ты встретила с призраком! — говорит Вики и заливается веселым смехом.

4

— Не верю!

— А каково мне? — спрашивает Вики. — Что хорошего, когда видишь призрака? А уж быть одним из них...

— Ты... это правда ты?

— Ну, чего уставилась, Джейд? Ладно, пошли! Ну-ка, попробуй просунуть сквозь меня руку! Ну, давай, не бойся! Да не сюда! Знаешь ведь, как я боюсь щекотки! Ко мне нельзя прикоснуться, но я по-прежнему что-то чувствую.

я смеюсь.

— Они тебя тоже видят?

— Нет, не думаю. Хотя можно проверить...

Пританцовывая, Вики подходит к женщине средних лет, в майке и легинсах, и машет рукой прямо перед ее лицом. Та даже не моргнула!

Вики смеется.

— Вы меня слышите? — кричит она ей прямо в ухо.

Голова женщины даже не качнулась. Она смотрит прямо на меня и хмурится.

— Она тебя не слышит, — говорю я.

— Зато тебя слышит, идиотка! — отвечает Вики. — Придется говорить шепотом, Джейд, и постарайся не шевелить губами.

— Ты что думаешь, я чревовещатель? — бурчу я.

Женщина подходит ко мне. На помощь!

— Ты слышала о несчастном случае? Вероятно, нет. Девочка твоего возраста. Из вашей школы. Ее сбила машина. Сегодня. Какой ужас! Столько крови!

— Старая глупая летучая мышь! У меня ни капли крови не было! — говорит Вики. — Скажи ей, пусть убирается! Надо же — нацепить легинсы на такую задницу!

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться.

Женщина продолжает нести чепуху. Она слишком возбуждена. На нее неприятно смотреть.

Стоят, обнявшись, две девочки — шестиклассницы в спортивных костюмах после физкультуры. Обе плачут, хотя вряд ли они когда-нибудь общались с Вики.

— По-моему, это подруга Вики Уотерс, — вздрагивая, говорит одна из них.

Обе моргают, как будто застали меня на месте преступления.

— Сделай грустное лицо, идиотка, — шипит Вики. — Поплачь! Покажи, что переживаешь!

Голова у меня идет кругом. Они подходят ко мне — торжественно серьезные, с красными глазами.

—

Я киваю. Вики тоже кивает, валяя дурака.

— Тебе, наверное, сейчас очень тяжело. Невозможно поверить!

Я снова киваю. Действительно, невозможно!

— Кажется, у тебя шок. Хочешь, мы проводим тебя домой?

Меня охватывает паника.

— Нет, все нормально! Просто мне нужно побыть одной!

Я спешу дальше, не дав себя уговорить. Вики бежит за мной. Куда там — остаться наедине со своими мыслями! Она бросается вперед, потом быстро возвращается, крутится юлой, даже пролетает сквозь меня и вдруг повисает надо мной в воздухе да еще насмехается! Мне приходится задрать голову, чтобы с ней поговорить.

— Ты умеешь летать?

— Здорово, правда?

— У тебя есть крылья?

— Нет. И очень хорошо! Было бы неудобно, если бы они оттягивали спину. Как тогда носить лифчик, если тебе перья мешают?

— Ты сейчас в трусах и лифчике?

— Конечно! Что за глупый вопрос?!

— Ну, не знаю... Трудно представить призрака в нижнем белье.

Только сейчас я заметила, в какой Вики одежде: на ней потрясающие брюки и фирменный, черный с серебром, топ. Мы его видели в отделе «Стиль», когда ее мама водила нас в торговый центр «Лейклендз».

Она ловит мой взгляд и улыбается:

— Что, классно смотрится?

— Откуда у тебя такие вещи?

— У меня не было времени расхаживать по Небесному торговому центру, — говорит Вики, закатывая глаза. — Я просто выбрала себе одежду, и она материализовалась. Здорово, правда?

— А для меня там можно что-нибудь подобрать?

— Нет, только для призраков. Видишь бирку? — говорит Вики и выворачивает топ наизнанку. Мой палец проскальзывает сквозь него и ничего не чувствует.

— Ты шутишь по поводу Небесного торгового центра?

— Да ну тебя!

— Слушай, а ты там была? В раю...

— Пока не довелось — я ведь только сегодня днем умерла. Вот и парю в воздухе. Наверное, у меня до сих пор шок.

— И у меня тоже. Вики, а что ты чувствовала, когда умирала?

Она молча летает вокруг меня. От этого начинает кружиться голова.

Ну, расскажи! Мы всегда все друг другу рассказываем.

— Это произошло так быстро. Мы с тобой поссорились, а потом...

— Пожалуйста, не надо! Не хочу вспоминать!

— Неудивительно!

Но она меня пожалела:

— Ну вот, эта машина меня ударила — бум! И я — бух на землю, ну а потом, потом все было как в тумане. Меня куда-то долго везли, и кто-то держал меня за руку.

— Я!

— Знаю, что это была ты. Представляешь, Джейд, ты в моих предсмертных воспоминаниях!

— А когда ты умерла? Как это было?

— Ты похожа на глупую журналистку: «Расскажи нам, Вики, что ты чувствовала, когда твой мозг перестал работать, а сердце остановилось, и мы напишем об этом на первых страницах бульварных газет». Ну ладно, слушай! Я лежала в больнице, и вокруг меня суетились врачи, как в сериале «Скорая помощь», и еще там был хирург-садист с прямыми грязными волосами...

— Я его видела!

— Он грубо давил мне на грудь. Вдруг кто-то сказал: «Мы ее потеряли», и они оставили меня в покое. Я продолжала там лежать — меня словно оглушило. А потом я вздрогнула и как будто вышла из своего тела. Знаешь, как одежду снимаешь...

— Вот это да!

— Очень похожее ощущение... Потом взмыла вверх...

— Я знала, что именно так и будет!

— Смотрела с потолка на врачей и медсестер. Очень странно видеть одни макушки! Потом поплыла по коридору и продолжала надеяться, что это будет один из тех случаев, когда душа возвращается в тело. Врач с грязными волосами еще раз надавит мне на сердце, и я вернусь, жива и невредима, и тут я увидела медсестру, которая говорила маме и папе...

— А они тебя видели?

— Не думаю. Папа точно нет, а вот мама... Я попробовала до нее дотронуться, и она вздрогнула, как будто что-то почувствовала. Но, кажется, она меня не видела и не слышала.

— А я вижу.

— Ну, мы всегда говорили на секретном, понятном только нам языке, и ты заранее знала, что я хочу сказать.

— Ах, Вики! Нас нельзя разлучить! — с чувством говорю я.

Проходивший мимо мальчик, который поддавал ногой портфель, словно футбольный мяч, остановился как вкопанный. Потом заморгал, странно на меня посмотрел, поднял свой пыльный портфель и пустился наутек.

— Эх ты, чудачка! Говори шепотом! — ворчит Вики.

Мы почти дошли до угла — отсюда мы обычно расходимся по домам.

— Хочу домой! — вдруг говорит Вики, и по ее щекам катятся слезы.

— Ой, Вики! — Я пытаюсь ее обнять. (Как будто тень обнимаешь!)

— Как странно! Не могу поверить! Не хочу быть мертвой! — рыдает она. — Хочу снова быть собой. Собой настоящей! Надоело всюду летать! Хочу жить нормальной жизнью!

— Не плачь, Вик! — Я достаю бумажный платок и пытаюсь вытереть ей слезы, но они все катятся и катятся, а платок остается сухим.

— Хочу к маме! — рыдает Вики. — Я пойду домой, даже если они меня не видят!

— А потом ты ко мне вернешься? — прошу я.

— Да, конечно.

— Когда?

— Не знаю, — шмыгает носом Вики. — Призракам не назначают свиданий, Джейд. Мы материализуемся, когда и где захотим. — Она слабо улыбается мне и уплывает по воздуху, исчезая из виду.

Я ее снова и снова окликаю. Она не возвращается. Без нее я чувствую себя потерянной и одинокой. Вновь подступает ужас пережитого. Нужно идти домой.

Ненавижу свой дом. Мы живем в районе многоэтажек под названием «Оксфорд», в квартире на втором этаже. Мама раньше говорила, что когда-нибудь у нас будет свой дом. Может быть, мы переедем в одно из черно-белых зданий на Тюдор-авеню, где живет Вики.

Вики там больше не живет.

До сих пор не могу в это поверить! Я поднимаюсь наверх, иду по лестничной площадке, и в дверях на меня сразу накидывается мама:

— Ради бога, Джейд! Где ты была? Я пришла с работы полчаса назад! Мы тут с ума сходим! Странно, с чего это она разволновалась? Еще совсем недавно меня будто не существовало! Она даже не слушает, когда я с ней разговариваю. И папа тоже на меня особого внимания не обращает. А сейчас он меня обнимает и трется щекой о мою щеку. Он еще не побрился, и от него пахнет постелью. Я вырываюсь.

— Что случилось, Джейд? У тебя неприятности? Ты так выглядишь, будто случилось что-то ужасное!

— Случилось, — говорю я дрожащим голосом.

— Только без слез! Опять где-то шлялась с Вики?! Куда вы ходили? По магазинам? Или в «Макдоналдс»? Я этого не потерплю! Рано тебе гулять одной! Чтобы сразу после школы шла домой! Я не позволю, чтобы эта Вики сбивала тебя с пути истинного!

— Она больше не будет!

— Что ты этим хочешь сказать, детка? — спрашивает папа.

— Не говори таким трагическим тоном! — говорит мама. — Что случилось? Вы с Вики поссорились?

— Вики умерла, — оглушаю я обоих.

Потом мама встряхивает головой и начинает поправлять прическу.

— Разве можно такое говорить?! Не глупи, Джейд! «Вики умерла!»

— Это правда! Ее сбила машина! — Я срываюсь на крик.

— О боже! — говорит мама и вдруг обнимает меня. — А ты, Джейд? Господи боже мой, ты не пострадала?

— Нет, только Вики. Мы вышли из школы, и она... и она... и эта машина... машина... машина...

Мама укачивает меня, будто я снова стала маленькой:

— Ну, не надо, моя хорошая!

— Я поехала вместе с ней на «скорой помощи», — говорю я, уткнувшись в мамин темно-синий костюм. — Держала ее за руку, говорила с ней. Надеялась, что врачи сделают ей операцию и она очнется. Но она умерла.

— Эта милая девочка! Бедная Вики! — шепчет папа.

— Бедная Джейд! — говорит мама и прижимает меня к себе так крепко, что мне становится трудно дышать.

Я не могу заснуть. Всю ночь мечусь по кровати: то свернусь клубочком, то, наоборот, вытянусь, то лягу на бок, то на живот и в конце концов прячу голову под подушку. Не могу отвлечься от грустных мыслей. Думаю и думаю о Вики. Как только начинаю засыпать, слышу скрип тормозов и пронзительный крик. И снова просыпаюсь!

Не могу отключиться! Пытаюсь позвать Вики, но она не приходит. Открываю окно, свешиваюсь с подоконника и ищу ее в темноте. Представляю себе Вики, но не могу оживить, как тогда, после больницы. Воображаемая Вики говорит чушь и исчезает в ночи. Светает, начинают петь птицы, наступает самый обычный день... Я зарываюсь под пуховое одеяло. В комнату входит мама — приносит завтрак на подносе, как будто я больна. Суббота... Мне не надо идти в школу, и маме — на работу. Обычно по выходным она делает что-нибудь по дому или ходит по магазинам, а я торчу у Вики.

Сегодня мы обе слоняемся из угла в угол и не знаем, чем заняться. Мама набирается храбрости и звонит маме Вики. Я боюсь, что миссис Уотерс станет на меня жаловаться, но мама говорит, что обо мне и речи не было.

— Похороны в среду, в одиннадцать. О боже, надо подумать о венке. Ты знаешь, какие цветы любила Вики?

— Лилии. Белые лилии.

— Они стоят целое состояние, но делать нечего. В чем ты пойдешь?

Нам целый день звонят из школы, чтобы обсудить страшную новость. Почти все — друзья Вики, а не мои. Звонят девочки, которым хотелось с ней дружить. Мальчишки тоже звонят. Некоторые ведут себя так, будто были ее бойфрендами, что очень глупо: она их ведь терпеть не могла, особенно парней из нашего класса.

Даже Толстый Сэм, завзятый шут, на этот раз говорит серьезно:

— Мне очень жаль, Джейд! Представляю, как тебе тяжело! Вы с Вики всегда были вместе! Ах, если бы мы могли сейчас быть вместе! Почему она ко мне не приходит?!

В воскресенье становится еще хуже. Я не знаю, что мне с собой делать. Телевизор смотреть не могу. Странно — еще два дня назад меня волновали персонажи мыльных опер, и мы обсуждали их с Вики, как своих знакомых. Не могу слушать музыку, потому что мы всегда подпевали любимым певцам, а теперь мелодии кажутся чужими. Не могу читать. Слова расползаются, как червяки, в них нет никакого смысла. Не могу делать уроки. Наверное, у меня будут неприятности, но кого это волнует!

Ничто в мире не имеет значения, кроме Вики. Я трачу уйму времени, чтобы вызвать ее в своем воображении, но ничего не получается. Я так хочу ее видеть, что днем говорю маме: мне надо сбежать домой к Вики. Где еще ее искать?

— Не знаю, Джейд, — говорит мама, кусая губы. — Вряд ли это удобно! Не надо беспокоить людей, особенно сейчас.

— Но мне нужно, мама. Я хочу быть поближе к Вики. Ну пожалуйста!

После обеда мама идет со мной к Вики, пока папа дремлет на диване. В выходные он не работает в ночную смену, но не может изменить свои привычки и поэтому спит днем.

Когда мы подходим к дому Вики, мне становится страшно, и я хочу домой.

— В чем дело? — спрашивает мама. — Не бойся, детка, я с тобой.

Но мне кажется, она тоже боится.

— Я передумала. Что-то мне не хочется туда идти.

—

— Не хочу видеть ее маму!

— Ну, может быть, ей станет легче, потому что вы с Вики были как сестры.

— Мне кажется, она меня не любит. По-моему, она винит меня в том, что произошло.

— Какая чушь! Прекрати, Джейд! — повышает голос мама.

Я легонько толкаю ее локтем — боюсь, что мама Вики может нас услышать.

— Пожалуйста, мама, пойдем домой!

— Но ты же целый день ныла и просилась сюда!

— Я хотела увидеть Вики, — плача, говорю я.

Мама смотрит на меня широко открытыми глазами, точно я сошла с ума. Наверное, так оно и есть. Не знаю. Я теперь ничего не знаю.

Снова не могу заснуть. В понедельник утром мама не приходит, чтобы меня разбудить, но я встаю сама. Взвешиваюсь на весах в ванной. С пятницы я потеряла два килограмма.

Кажется, во рту давно не было ни крошки. Есть не хочется, но мама суетится вокруг меня, поджаривает мне тост, поит чаем. Чай кисловатый, с апельсиновой отдушкой. Тост черствый и, когда я пытаюсь его проглотить, царапает горло.

— Попробуй что-нибудь съесть, — говорит мама. — Так и заболеть недолго! Только посмотри на себя! До чего ты бледная! Ты похожа на призрака!

— Пожалуйста, не надо!

— Прости, Джейд, я не хотела. Послушай, детка, может, тебе не ходить в школу? Ложись-ка ты снова в постель! Может, попробуешь уснуть?

Кажется, я точно сойду с ума, если останусь дома еще на один день, поэтому надеваю школьную форму и вешаю на плечо портфель с невыполненным домашним заданием.

— Ты молодец, мужественная девочка. — Она гладит меня по плечу.

Сейчас мама очень добрая. Никогда раньше она не суетилась вокруг меня, даже когда я была маленькой. Ей хотелось, чтобы у нее был активный ребенок, которого можно было бы наряжать и баловать, а не какое-то робкое, худое и глупое существо, вечно пытающееся от всех спрятаться.

— Хочешь, я пойду с тобой?

Конечно, хочу, но мама смотрит на часы — я знаю, она уже опаздывает на работу.

— Ничего, все будет хорошо! Я не маленькая! — говорю я, хотя чувствую себя так, будто иду в первый раз в детский сад.

Я снова начинаю надеяться на встречу с Вики, и приходится поскорее уйти из дома, чтобы не расплакаться.

На бегу я не могу плакать. Сил хватает только до конца улицы — нужно остановиться.

Сердце выпрыгивает из груди. Зря Вики надеялась, что бег мне может понравиться!

Ну почему, почему, почему я не сказала тогда «да»? Пошли бы мы под руку домой, сегодня были бы вместе — шли бы, как всегда, в школу, только мы вдвоем.

— Мы опять вместе, дурочка!

— Ах, Вики! — Я бегу ей навстречу, распахнув руки для объятий.

— Эй, потише, чудачка! Люди смотрят! Разговариваешь сама с собой! Размахиваешь руками! Говори шепотом, забыла?

— Где ты была? — шепчу я и пытаюсь взять ее за руку, но чувствую только свою ладонь.

— Носилась по воздуху, завывала, рыдала и пугала народ. В общем, занималась тем, что обычно делают призраки.

— Почему ты не можешь говорить серьезно? Я очень по тебе соскучилась!

— Что, плохо без меня? Так всегда бывает, когда умирают близкие.

— Мне показалось, что я придумала себе нашу встречу после больницы.

— Какое нахальство! У тебя бы ничего не получилось! Меня нельзя придумать. Я единственная!

Она показывает мне язык. Он такой розовый, остренький, блестит... Однако, когда я хочу его потрогать, палец остается сухим.

— Ага! В следующий раз укушу! — говорит Вики. — Ты отвратительно выглядишь! Что с твоими волосами?

Я убираю их с глаз и заправляю за уши. Кажется, с пятницы я не только не мыла голову, но и не причесывалась. Волосы Вики выглядят потрясающе — золотисто-рыжие, они блестят на солнце, как нимб.

— Ты похожа... на ангела.

— Да брось! Хотя, пожалуйста, можешь восхищаться сколько угодно!

— Что?

Я смотрю вверх. Вики заливается веселым смехом:

— С каких это пор ты увлеклась религией, Джейд?

— А с каких это пор ты стала призраком? — парирую я.

Я оглядываю ее с ног до головы. Она все в том же черном наряде. Украдкой смотрю ей на спину... Не выросли ли там серебряные крылья?

— Хватит на меня пялиться! Мне еще предстоит подняться по небесной лестнице или угодить прямо в адский огонь...

— Не надо!

— Не бойся! Я никуда не пойду. Пока. У меня еще здесь дела. Нужно с тобой погулять.

— Ты не приходила ко мне все выходные!

— Я была с мамой.

— Кажется, ты говорила, она тебя не видит.

— Зато я ее вижу. И тебя тоже! Помнишь, как ты с мамой крутилась в воскресенье около нашей двери? — смеется она, глядя на мое виноватое лицо.

— Мне просто очень захотелось тебя увидеть, Вик!

— Ну, сейчас-то ты меня видишь! Я пришла к тебе одной! Но предупреждаю: хватит на меня глазеть! Люди решат, что ты чокнутая. Хотя только что погибла твоя лучшая подруга...

Может быть, ничего тут странного нет? Ладно, давай пойдем в школу! Хочу послушать, что там обо мне говорят.

— Можешь не сомневаться! Ты всегда будешь в центре внимания, даже на том свете! Я тыкаю ее в живот. Палец проходит насквозь.

— Ой! — взвизгнула Вики и скрючилась от боли.

— Боже! Я сделала тебе больно? Я не хотела! Я думала... Ой, Вики!

Теперь она громко хохочет:

— Вот я тебя и провела! Только не надо меня тыкать пальцем, чтобы проверить, что я чувствую. Пошли!

Она мчится вперед, а я, спотыкаясь, ковыляю следом и боюсь, что она может снова исчезнуть. Теперь она бежит даже быстрее, чем прежде, потому что закон земного притяжения на нее не действует. Вики поворачивает за угол и оказывается на дороге, ведущей к школе, гораздо раньше, чем я. У школы я ее догоняю. Она стоит на том месте, где произошел несчастный случай. Она не одна. Там толпы народу — не только ребята из нашей школы, но и взрослые. Многие плачут, обнимают друг друга или пытаются рассмотреть что-то на асфальте. На месте, где погибла Вики, полно цветов, мягких игрушек... цветы и игрушки тянутся до самой ограды на тротуаре.

— Надо же! — говорит Вики. — Прямо как у принцессы Дианы!

Люди поворачиваются, показывают пальцами, смотрят в нашу сторону. На какое-то мгновение мне кажется, что они видят Вики. Потом я понимаю, что все смотрят на меня. Они что-то про себя бормочут, шепчутся, вдруг я чувствую на себе свет от фотовспышки. Я зажмуриваюсь, яркий луч ударяет мне в глаза.

— Ты лучшая подруга Вики? Ты была с ней, когда ее сбила машина? Как это произошло? Что ты сейчас чувствуешь, когда Вики больше нет?

Я смотрю на корреспондента и не верю своим глазам.

— Какой наглый! — говорит Вики. — Скажи ему, пусть убирается и не лезет в чужие дела! Она и ему это говорит, но произносит слова покрепче. Рядом еще кто-то ругается. Это Толстый Сэм. Для девятиклассника он слишком высокий и толстый, поэтому легко оттесняет от меня корреспондента.

— Оставь ее в покое, придурок! Она не хочет с тобой разговаривать!

Сэм хватает меня за руку, и мы проталкиваемся сквозь толпу. Я тревожно озираюсь по сторонам и боюсь потерять Вики из виду, но она, удивленно приподняв брови, стоит прямо за мной.

— Надо же, не знала, что Толстый Сэм ко мне равнодушен! Он очень расстроился, да? Он все еще тащит меня за собой, и мы входим в школьный вестибюль.

— Молодец, Сэм! — говорит миссис Кембридж бросаясь в коридоре нам навстречу. — Ах, Джейд, я просто не могу в это поверить!

Она обнимает меня и Сэма. Миссис Кембридж самая строгая учительница в школе, которая всегда оставляла Вики после уроков за плохое поведение... А сейчас она плачет.

Невероятно! — восклицает Вики, приплясывая вокруг нас. — И ты, и Толстый Сэм, и миссис Кембридж — все меня любили!

Потом из кабинета выходит наш директор, мистер Файлзворт, — даже у него на глазах слезы за толстыми стеклами очков. Он что-то бормочет об ужасной трагедии и о специальной молитве, которую нужно прочитать в актовом зале, а потом спрашивает, не

хочу ли я выступить с речью, так как Вики была моей лучшей подругой.

— Мне кажется, Джейд будет очень трудно выступить, — твердо говорит миссис Кембридж. — Зря ты вообще пришла сегодня в школу! Похоже, у тебя очень сильный шок. Мое странное поведение объясняется тем, что мне трудно без смеха смотреть на Вики в таком игривом настроении: она корчит рожицы и очень потешно передразнивает мистера Файлзворта, когда он со смиренно-торжественным видом сжимает перед собой руки. Приходится прикусить нижнюю губу, чтобы не расхохотаться.

Вики еще больше входит в раж, и я фыркаю, но вместо смеха у меня получаются слезы. Я плачу на глазах у миссис Кембридж, мистера Файлзворта и Толстого Сэма. Это уж совсем никуда не годится!

Миссис Кембридж отводит меня в раздевалку и прижимает к себе. Потом умывает меня, вытирает глаза куском бумажного полотенца и ведет в учительскую пить чай. Это занимает так много времени, что я пропускаю церемонию в актовом зале.

Вики я тоже упустила. Она исчезла. Пока я плакала в объятиях миссис Кембридж, ей все это надоело, и она улетела, оставив меня одну.

— Я хочу чтобы Вики была здесь, — шепчу я.

— Знаю, знаю, — бормочет миссис Кембридж, хотя она ничего не понимает.

Входит мистер Лорример в тренировочном костюме и садится передо мной на корточки.

— Мне так жаль! — мягко говорит он и пожимает мне руку. Половина девчонок умерли бы от зависти, потому что мистер Лорример — настоящий красавец с густыми темными волосами, большими карими глазами и шестью «кирпичиками» на загорелом животе. Неудивительно, что Вики собиралась записаться в его секцию.

— Вики хотела по пятницам ходить в вашу секцию, — бормочу я.

— Я видел ваши фамилии в списке, но потом их кто-то вычеркнул. Если хочешь, Джейд, приходи к нам!

— Я? Да я совсем не умею бегать!

— Это не такой бег, как ты думаешь... Иногда, когда ты в очень плохом настроении, пробежка идет на пользу и помогает избавиться от напряжения. Извини, глупо, конечно, сейчас об этом говорить. К сожалению, тебе не удастся быстро выйти из стресса, бедная девочка.

Как странно! Они все ведут себя со мной как настоящие друзья. В классе, во время перемены, ко мне особенно добры даже самые вредные девчонки, Рита и Ивонн, даже мальчишки. Старый друг Вики, Райан Харпер, единственный нормальный парень в нашем девятом классе, подходит ко мне и предупреждает, чтобы я держалась подальше от забора: там шныряют корреспонденты с фотоаппаратами.

— Если начнут донимать тебя, Джейд, дай нам с парнями знак — мы им покажем! — говорит он.

На этот раз Толстый Сэм тихо стоит в стороне.

Он пытается занять для меня место во время ланча, но Дженни, Мадлен и Вики-2 уводят меня за свой столик. Они мне всегда нравились, но Дженни раздражала мою Вики, потому что тоже гуляла с Райаном Харпером. Дженни немножко помешана на мальчишках. Вики-2 сама как мальчишка, озорная и шумная, но сейчас она горько плачет. Вики-2 всегда знала,

что она на втором месте после моей Вики. Дженни ее крепко обнимает, а Мадлен обнимает меня, хотя до сегодняшнего дня мы почти не общались. Она большая и толстая. Такое впечатление, что меня обнимает огромный зефир.

Я задыхаюсь от доброго отношения к себе. Кажется, меня закутывают в пуховое одеяло — не могу двигаться, не могу дышать, не могу быть самой собой. Не могу без Вики жить!

6

Во вторник я снова пытаюсь пойти в школу, но, когда подхожу поближе и вижу еще больше цветов на месте, где погибла Вики, — ковер из роз, лилий и фрезий, зажженные свечи и целый зоопарк из мягких игрушек, — последние силы меня покидают. Нужно отвлечься, и я снова куда-то бегу.

— Я-то думала, ты терпеть не можешь бегать!

Вики несется рядом со мной. В ее волосах порхают маленькие бабочки голубого цвета, в тон легкой майке. На ней белоснежные джинсы и кроссовки, и, когда она вырывается вперед, я вижу: У нее на спине нарисованы маленькие крылышки.

— Правда красиво? И как раз то, что нужно! Называй меня Вики-Ангел.

На прошлой неделе мы видели на ком-то эту майку, и тогда она Вики понравилась.

— Могу носить все, что захочу, — говорит она и бежит на месте. — А вот тебе приходится ходить в дурацкой школьной форме! Почему бы тебе не пойти домой и не переодеться, раз уж мы прогуливаем?

— Меня папа может услышать. Он не всегда спит.

— Ну и что? Сейчас он не будет на тебя сердиться.

Вики никогда не понимала, что значит быть дома с папой. Он может разозлиться в любую минуту. Не знаю, возможно, это потому, что ночами он работает. Обычно ему нет до меня дела, но иногда он становится по-настоящему вредным и придирается по пустякам. Может стать совсем неуправляемым — кричать, ругаться, размахивать руками, сжимать кулаки... Он ни разу не ударил ни меня, ни маму, но иногда начинает мутузить диванные подушки. Однажды стукнул кулаком по кухонной стене так, что штукатурка посыпалась, и разбил в кровь костяшки пальцев, но не обратил на это внимания.

Мама говорит, что это позор, — до закрытия фабрики он никогда не вел себя подобным образом. Иногда она называет его свиньей и кричит, что терпеть его не может, и ее бы воля — завтра же от него ушла бы...

Поэтому я больше люблю бывать у Вики, чем у себя дома. Ее папа никогда не сердится. Он ее обожает. Она всегда была его любимицей. Папа хлопочет над ней, смеется над всеми анекдотами, которые она рассказывает, треплет ее по волосам, одобрительно свистит, если она надевает что-нибудь новенькое, называет своим солнышком.

Только больше этого никогда не будет.

—

— Знаю... — шепчу я.

— И мама...

— Да, но мы все равно можем быть вместе, Вики.

— Ладно, я тебя буду постоянно преследовать, — обещает Вики. — Пошли, давай развлекаться! Не могу я все время спокойно смотреть на то, что происходит. Слушай...

Давай махнем в Лондон!

По субботам мы с Вики ходим в школу и в парк, обходим близлежащие магазины или идем в «Макдоналдс», но в будни нам не разрешают гулять вместе. Тем более ездить в Лондон!

— Нам нельзя!

— Нет, можно! Ну пожалуйста! Если нас застукают, говори, что это я придумала.

— Ну конечно! Так мне и поверят! Скажут, чокнулась!

Похоже на то! Я иду через весь наш городок на станцию. В портфеле есть десять фунтов на какую-то глупую поездку с классом. Уж лучше поехать в Лондон на целый день с Вики!

Я покупаю дешевый детский билет туда обратно.

Вики перепрыгивает через турникет и бросается вниз по ступенькам, шаркая подошвами кроссовок. Я устремляюсь за ней и сталкиваюсь с толстой теткой, которая читает газету на платформе.

— Осторожней! Осторожней! Смотри, куда бежишь! Ох уж эти дети! — ворчит она.

— Простите. Мы просто...

— Не «мы», чокнутая! — шипит Вики.

Она надувает щеки и начинает зло изображать толстую тетку. Я не могу сдержаться и хихикаю. Тетка в изумлении смотрит на меня.

— Послушай! Да ты девочка из газеты! — говорит она и показывает на мой черно-белый снимок.

Мне вдруг кажется, что она разговаривает с Вики.

Потом я вижу смазанную фотографию, на которой я жмурюсь от света вспышки, и подпись внизу: ДЖЕЙН МАРШАЛЛ, ЛУЧШАЯ ПОДРУГА ВИКИ, НЕ МОЖЕТ ОТ ГОРЯ ПРОИЗНЕСТИ НИ СЛОВА.

— «Джейн»! — фыркает Вики. — Никогда ничего не напишут правильно! Как еще мое имя не перепутали!

— Это ведь ты, — говорит тетка. — Непохоже, что ты сильно расстроена!

— Нет! — быстро говорю я.

— Как — не ты?! И форма такая же!

— Я из той школы, но из другого класса. Честное слово, я не знала Вики!

Кажется, мне не поверили.

— Не обращай внимания на старую любопытную кошелку! — говорит Вики и берет меня под руку. — Пошли дальше! Забудь о ней! Будем веселиться!

Мы убегаем от женщины, и вскоре подходит поезд. В вагоне я снимаю галстук и закатываю рукава, чтобы мой наряд был меньше похож на форму. Поезд мчится в Лондон. Становится страшно — можно легко попасть в беду! Мама все время меня пугает рассказами о непорядочных людях, которые подстерегают на станциях школьниц и склоняют их к проституции.

— По крайней мере, что-нибудь заработаем! Понятно, каким образом! — говорит Вики. —

Пошли по магазинам! Много купить ты, конечно, не сможешь! А я вот — бери — не хочу!

Наконец-то разгуляюсь! Куда пойдём? В Ковент-Гарден? Там много магазинов стильной одежды.

— Не спрашивай меня, Вик! Ты знаешь дорогу?

—

Она выплывает в окно вагона и летит рядом с поездом — волосы развеваются на ветру.

— Смотри! — кричит она, кружась в вышине, и кубарем катится вниз.

— Лети назад! Убьешься!

Вики хохочет и подпрыгивает в воздухе.

—

Она вскакивает на крышу поезда, а потом несется в сторону домов, приближаясь к трубам и антеннам, но не задевая их, а пролетая насквозь.

Я в ужасе смотрю ей вслед. Она машет мне рукой и вдруг взмывает ввысь, как ракета, — все выше и выше... и пропадает из виду. Открываю окно, высовываю голову и отчаянно пытаюсь разглядеть, куда она исчезла. Вики летит сейчас выше самого высокого тополя, выше церковного шпиля, выше стаи птиц... Я боюсь, что она умчится от меня сквозь облака в другую жизнь.

— Вики! Вики! Вернись!

Она влетает в окно — волосы спутались, щеки разругались...

— Ты видела, как я летаю? — спрашивает она. — Ну, как?!

— Потрясающе!

— А тебе слабо?

— Конечно!

— Ну, это же легко! Айда за мной!

— Что?!

— Открой дверь вагона и прыгни!

— Но я ведь не умею летать! Я разобьюсь!

— Конечно! Но ведь потом ты сможешь летать!

— Ты хочешь сказать... после того, как погибну?!

— В этом нет ничего страшного, Джейд! Правда! Один прыжок... и мы всегда будем вместе!

Тебе ведь этого всегда хотелось, да?

— Да, но...

— Давай! Я буду держать тебя за руку! Я тебе помогу!

— Но мне не хочется умирать. С тобой все было по-другому. Произошел несчастный случай.

— Ты в этом уверена? — спрашивает Вики и, прищурившись, смотрит на меня.

— Предъявите, пожалуйста, билеты!

Контролер открывает дверь в наш вагон и при виде меня застывает на месте. Я дотрагиваюсь до своего лица. По щекам текут слезы. Всхлипываю, делаю глотательное движение, начинаю искать билет...

— Что с тобой? Ты себя хорошо чувствуешь? — спрашивает он.

Я киваю — что тут скажешь? Что мне еще остается? Если я скажу правду, то на вокзале Ватерлоо меня будет ждать бригада санитаров со смиренной рубашкой.

— Не надо открывать окно. Тебя сдует.

Контролер закрывает окно, потом прокусывает щипцами билет и идет дальше, оставляя меня одну.

Вики тоже ушла. Я сижу и плачу. Мне страшно, что она никогда не вернется. Или, может, наоборот, мне страшно, что она снова придет?

Не понимаю, что я делаю в этом поезде? Как только приеду в Лондон, тут же вернусь домой. Но когда в слезах я вылезая из вагона, Вики ждет меня на платформе. Она подбегает и обнимает меня, но я не чувствую прикосновения ее рук.

— Вот ты где! Ладно, не плачь, глупая! Я не хотела тебя пугать. Сама не хочу, чтобы ты разбилась. Ты на меня не сердись?

Она снова обнимает меня невесомой рукой и пытается прозрачной ладонью вытереть мне слезы.

— Я не сумасшедшая, — говорю я.

Женщина, которая выходит из вагона, испуганно на меня смотрит. Ей кажется, я лаю.

Вики хихикает:

— Пошли, Джейд! Давай повеселимся! Мы найдем дорогу — проще простого. Поехали на метро?

Мы едем до площади Пиккадилли, потому что обе уверены, что это центр Лондона, идем под руку в Трокадеро и подходим к кафе «Бен и Джерри». Мне хватает денег на двойную порцию нашего самого любимого вишневого мороженого. Однажды мы съели целое ведерко, когда я ночевала у Вики. Она благодарно откусывает от моего рожка.

— Ты чувствуешь вкус мороженого?

— Что-то вроде того... скорее запах.

— Ты можешь есть, как все?

— Нет, и в туалет мне ходить не надо.

Вики кружится на месте.

— Теперь я неземное существо без физиологических потребностей, — смеется она. — Хотя могу подлететь к мистеру Лорримеру и поцеловать его. Интересно узнать, что я тогда почувствую.

Мы бредем по Риджент-стрит и видим магазин «Хэмлиз».

— Помнишь, когда нам было пять или шесть лет, нас туда водили на Рождество? Нам подарили по кукле Барби. Я назвала свою Барби Энн.

— А я свою Барби — Элла. Как я ее любила! Помнишь, ты заставила меня играть в парикмахерскую и подстричь ей волосы?

— Конечно, помню! Ты ее очень коротко постригла, и она стала выглядеть, как Шинед О'Коннор. Мне понравилось!

— А мне нет. Было несправедливо — свою-то куклу ты не постригла!

Мне до сих пор обидно. Барби-Элла выглядела ужасно — розовый череп в мелких кустиках светлых волос! Я связала ей шапочку, но уже не смогла снова ее полюбить. А Вики только и делала, что расчесывала чудесные золотые локоны Барби-Энн.

— Ты все еще дуешься? — спрашивает Вики. — Попробую загладить свою вину. Ну-ка давай сюда пенал!

— Зачем?

— Там есть ножницы?

— Нельзя стричь куклам волосы!

— Я и не собираюсь, дуручка! Давай, постриги меня!

— Нет!

— Давай, не бойся, отомсти мне! Режь под корень! Мне всегда хотелось посмотреть, пойдет ли мне короткая стрижка.

— Не могу. У тебя такие красивые волосы. Я всегда тебе завидовала. Не то что мои крысиные хвостики.

Я щелкаю у головы ножницами. Два японских туриста в тревоге смотрят на меня, будто я собираюсь сделать себе британское харакири.

— Постригись! — велит Вики, и ее зеленые глаза светятся нехорошим блеском.

Мне он слишком хорошо знаком! Не хочу, чтобы она снова мной помыкала! Еще больше людей в тревоге смотрят на ножницы.

— Я их уберу! — говорю я и засовываю ножницы в портфель.

— Тогда я свои достану!

Вики протягивает руку и достает из воздуха блестящие ножницы, как будто только что слетала в галантерейный отдел в магазине напротив.

Ножницы сверкнули, она тряхнула волосами...

— Не надо! Прекрати!

Одна женщина подпрыгивает, другая хватается за сумку...

— Кто тебя обидел?! В чем дело?!

Я качаю головой и пробегаю мимо. Не буду о них думать! Нужно остановить Вики. Ее волосы, чудесные золотисто-рыжие локоны...

— Сумасшедшая! Остановись! — умоляю я.

Мне никогда не удавалось помешать Вики, если она что-нибудь задумала. Еще труднее сделать это сейчас.

Она заливается веселым смехом и отрезает себе густые пряди волос. Ножницы клацают до тех пор, пока от шикарной шевелюры не остаются редкие кустики. Она по-прежнему красива, моя Вики, но кажется, у нее на голове паслась небесная овца.

— Ну, как?

— Вики, ты дурочка!

— Ну-ка, посмотрим!

Она подлетает к витрине, но не видит своего отражения.

— Ох! Я забыла — у призрака не бывает отражения! Никак не привыкну! До чего же странно быть бессмертной! Тебе не проткнуть мне сердце!

— Ты же не вампир!

— Вампиры тоже похожи на призраков. Всегда хотела стать вампиром!

Она оскаливает зубы и притворяется, что хочет укусить меня за шею.

— Мне отрастить зубы?

— Лучше уж отрасти волосы!

— Без проблем!

Она встряхивает бедной лысой головой, и вдруг по ее плечам снова рассыпаются золотисто-рыжие кудри.

— Вот это да! Как тебе это удалось?

— Не знаю! Я просто представила себя снова с волосами. Помнишь, когда мы были маленькими и играли в фей и ведьм? Ты так входила в роль! Помнишь, однажды я тебя заколдовала и не велела двигаться. Ты и не шевелилась, даже когда твоя мама очень рассердилась и стала трясти тебя за плечи.

— Надеюсь, мама не узнает, что мы прогуливаем школу.

— Конечно, не узнает! Хватит волноваться! Пойдем лучше в «Хэмлиз».

Мы играем с плюшевыми мишками, рассматриваем новых Барби, словно нам опять шесть лет. Потом идем по Оксфорд-стрит и заходим в «Топ-Шоп». На этот раз будто нам уже шестнадцать. Мы примеряем самую модную одежду.

Я выгляжу как идиотка в кофтах с большим вырезом, потому что грудь у меня плоская, как у мальчишки, зато Вики сногшибательно смотрится.

Нельзя сказать, что она примеряет наряды. Она просто говорит:

— Ну-ка, посмотрим, пойдет мне это?

Можете не сомневаться — ей все идет!

— А где тот наряд, в котором ты была? В углу? Просто мне не видно?

— Там нет никаких вещей, потому что я не хочу, чтобы они там были. Все зависит от моих желаний, — гордо улыбается Вики.

— Но как это у тебя получается?

— Обыщи меня! Сама я тебе не смогу объяснить — может, поговоришь с мисс Робсон?

Мисс Робсон ведет у нас естественные науки. Она нормальная. Мне нравится, как она рассказывает о космосе и как во время объяснения у нее блестят глаза. Но когда она заводит речь о теории «большого взрыва» и о черных дырах, в моих мозгах образуется огромная черная дыра и я ничего не понимаю. Кроме того, я не смогу ей объяснить, почему меня интересуют проблемы, связанные с другими измерениями. Если я начну мямлить про призраков, она отправит меня к миссис Дьюхурст.

Та преподает историю религий. Вряд ли мне стоит говорить с ней о призраках. Она не молодая и не стильная, как мисс Робсон. Миссис Дьюхурст — старая и носит бесформенную одежду, но при этом засовывает свои маленькие ножки в противные выходные лодочки на высоких каблуках. Они с нее спадают, поэтому она перевязывает их резинкой — похоже на детские туфельки с ремешком.

Миссис Дьюхурст еще хуже ориентируется в теме «Жизнь после смерти», чем туфли сидят на ее ножках, и никогда не отвечает на вопрос прямо. Всегда одно и то же: «Некоторые верят...» или «Безусловно, кто-то думает, что это прекрасный миф...» Она превосходно разбирается в мировых религиях, но Вики не индус и не буддист, поэтому вряд ли поймет их учения.

— Я не следую ничьим теориям. Для меня не существует никаких законов, кроме собственного мнения.

— Ты всегда была особенной, — восхищенно говорю я. — Откуда ты узнала, о чем я думаю? Ты умеешь читать мои мысли?

— Конечно, — отвечает Вики. — Разве ты не знаешь?

Это правда. Мы были настолько близки, что казалось, наши головы соединены потайным коридором.

— И о чем я сейчас думаю? — спрашивает Вики, примеряя прозрачный кружевной топ и до неприличия обтягивающие черные атласные джинсы.

Я смотрю на нее:

— «Отличный наряд для похорон»!

Мы обе покатываемся со смеху.

7

Похороны.

Похороны.

Похороны.

О боже! Сейчас мне не до смеха. Не знаю, смогу ли я выдержать. Крепко зажмуриваюсь и с головой зарываюсь под ватное одеяло.

— Ну уж нет! Эй, соня, просыпайся!

Вики стаскивает с меня одеяло, дергает за волосы, щекочет шею. Она легче паутинки, но бесполезно делать вид, что ты ее не замечаешь.

— Уходи!

— Молчи лучше! Подумай, что будет, если я действительно уйду, — говорит она. — Ага! Теперь проснулась? Вставай! Ты же хочешь сегодня хорошо выглядеть, да? В мой особенный день.

— Ой, Вики! Я боюсь!

— А вот я, наоборот, жду похорон! Надеюсь, будет полно цветов... Все станут плакать и вспоминать: «Ах, она была умница, красавица...»

— Держу пари — ты самая тщеславная девочка на свете. Сойди с кровати и дай мне встать! Неожиданно в комнату вбегает мама. В руках у нее поднос с завтраком. Она пристально на меня смотрит:

— Джейд! С кем это ты разговаривала?

— Ни с кем.

— Я тебя из кухни слышала.

— Знаешь, может быть, мне снился сон?

Мама краснеет, ставит передо мной поднос и садится на край кровати. Вики важно устраивается рядом и время от времени слегка толкает ее локтем.

— Джейд, я тебя слышала. Ты разговаривала... с Вики, — говорит мама, не глядя мне в глаза.

— Наверное, она мне снилась.

— Врушка! — возмущается Вики.

— Представляю, как тебе тяжело, моя родная. Но может быть, после похорон Вики успокоится...

— «Успокоится»?! Вот уж не собираюсь! Буду всех пре-сле-до-вать! — отвечает Вики, накрыв голову простыней, как делают призраки в мультфильмах.

До чего же она забавная! Мне трудно удержаться от смеха.

Кажется, мама очень удивилась. Неужели она видит, как простыня шевелится?! Низко наклоняю голову над подносом и фыркаю. Пусть думает, я всхлипнула.

— Если бы я только знала, как тебя утешить... — говорит она. — Ну ладно! Ты должна поесть. И про мюсли не забудь! Нужно как следует подкрепиться, чтобы выдержать этот день.

Похороны в одиннадцать. Мама идет со мной. И папа!

Лицо серого цвета, волосы, примятые подушкой, нелепо торчат — ему удалось поспать всего два часа. Несмотря на усталость, он упорствует.

— Я знал малышку вот с такого возраста, — говорит папа и, приставив руку к коленям, показывает, какой она была крохой. — Конечно, я обязательно пойду на похороны! Вики всегда ему нравилась. Когда она повзрослела, папа стал ею восхищаться. Не то что мама! В последнее время та только и ворчала, что пора стать самостоятельной и завести новых приятелей, — одним словом, совсем не одобряла нашей близкой дружбы, если не сказать больше.

У мамы нет настоящих подруг. Иногда она болтает с соседками. Однажды увлеклась народными танцами и ходила по вечерам в клуб вместе с коллегами. Вот, пожалуй, и все. Маме гораздо легче общаться с мужчинами. Я видела, как она с ними кокетничает, — по моему, ничего серьезного.

Голова забита скучными мыслями о родителях, потому что ужасно не хочется думать о похоронах. Вики притихла. В углу едва различим ее силуэт. Стоит и задумчиво оглядывает комнату. На полках до сих пор сидят любимые с детства игрушки — тут и плюшевые мишки, и маленькая пластмассовая Красавица, и Золушка, и Ариэль, и щенки далматина, и бедная лысая Барби-Элла. Там также хранятся мои старые книжки о феях цветов.

Мы наряжались в старые балетные пачки и размахивали шелковыми шарфами — «крыльями», вытягивая носки, как балерины, и представляя себя феями.

— Теперь я сама похожа на одну из них, — печально говорит Вики.

Словно на пуантах, она легко скользит по воздуху и вылетает в окно.

Наверное, упорхнула к своим родителям.

Мои ведут себя скованно и неуклюже. Мама в темно-синем костюме, в котором обычно ходит на работу. На шее — розовый шарф. Губы слишком ярко накрашены. Папа вырядился в тесный серый пиджак в тонкую полоску — складка на спине некрасиво расходится. Я выгляжу не лучше. Хотела надеть черные брюки, но мама о них и слышать не желает: как можно идти в брюках на похороны! Пришлось нацепить противную темно-серую юбку, белую блузку и черный пиджак. Разве можно в день похорон беспокоиться о внешнем виде?! Чувствую себя совершенно разбитой.

Собираемся выйти в половине одиннадцатого — у нас уйма времени, но папа застревает в туалете, и мы с мамой нетерпеливо ждем его в коридоре. Работа в ночную смену плохо действует на его желудок.

Потом с трудом выезжаем со стоянки. В конце концов прибегаем в крематорий за две минуты до начала церемонии.

Там полно народу. Мы трое смущенно переминаемся с ноги на ногу и не понимаем, что происходит. К нам подходит миссис Кембридж. У нее очень элегантный вид в сером костюме и черной шляпе с широкими полями. В первую секунду я ее даже не узнаю.

— Вот ты где, Джейд! А мы тебя всюду ищем. Вчера ты пропустила репетицию.

На помощь! Мама хмурится, но миссис Кембридж берет меня за плечо и проталкивает сквозь толпу к двери церкви:

— Будешь сидеть в первом ряду вместе со всеми. Мы хотели, чтобы ваш класс принял участие в службе, и решили попросить тебя прочесть вслух отрывок из сочинения Вики.

Мы его разметили. Иди и садись с ребятами. Мистер и миссис Маршалл, в последнем ряду есть два свободных места. Мне нужно пойти поговорить с мистером Файлзвортом.

Она убегает в своих элегантных туфлях на высоких каблуках.

— Твоя учительница? — спрашивает папа.

— Как получилось, что ты пропустила репетицию? — шипит мама.

— Я плохо себя чувствовала, — шепчу я в ответ. — Меня водили в медпункт.

— Ах, бедняжка! Почему ты мне не сказала? Вечно ты все в себе держишь, Джейд!

А что мне еще остается?! Не рассказывать же ей о поездке в Лондон с призраком лучшей подруги?!

Сейчас я не вижу Вики.

Нет, вижу...

О господи! Вон ее гроб, украшенный белыми лилиями. Всюду, как хлорка, проникает их терпкий сладковатый запах. Еле передвигая ноги, иду к ребятам и сажусь рядом с Вики-2. Моя Вики лежит всего в двух шагах от нас. Интересно, во что ее нарядили? В длинную белую, как лилии, ночную рубашку? Может быть, вплели цветы в волосы и вложили их в скрещенные на груди руки? Неужели миссис Уотерс одела ее как большую неподвижную куклу?

— Как ты себя чувствуешь, Джейд? — взволнованно шепчет Вики-2.

— Меня тошнит. — Я сползаю со стула.

На лбу выступают капли пота.

— Поменяйся со мной, Вики-2, — шепчет Толстый Сэм, шурша бумагой в кармане пиджака.

Оказавшись рядом и чуть меня не раздавив — наш класс с трудом уместается в первом ряду, он ухитряется вытащить маленький пакет с сэндвичами.

— Здесь нельзя есть!

— Я и не собираюсь, глупая. Это на случай, если тебе вдруг станет плохо.

— А как же сэндвичи?

Он засовывает руку в пакет, потом качает головой, понимая, что неприлично доставать их в церкви.

— Если почувствуешь тошноту, можешь воспользоваться пакетом. Не обращай внимания на сэндвичи, — великодушно говорит он.

Стараясь не цокать каблуками, к нам подходит миссис Кембридж. Я думала, учительница будет ругаться, но она лишь сочувственно сжимает мне плечо:

— Ничего-ничего, Джейд, не волнуйся. Может, попросить Вики почитать сочинение вместо тебя?

мою

— Я сама буду читать.

Беру тетрадь и смотрю на сочинение. Оно очень короткое. Вики не любила лить воду — сочинения получались нормальными, когда ей удавалось подкупить меня. От имени Вики я все делала лучше — яснее выражала мысли, умело подражала ее стилю...

Я не видела этой работы, хотя помню название. «Причины для радости»... Мисс Гилмор дала нам послушать старую песню Яна Дьюри.

Причины для радости.

Последними в сопровождении священника входят мистер и миссис Уотерс. Мистер Уотерс крепко держит жену под локоть. На ней новый темный фирменный костюм с короткой

обтягивающей юбкой. На голове — шляпа в черно-белых цветах, словно она собралась на траурные скачки в Эскот. Заметив, что я не свожу с него глаз, мистер Уотерс слегка кивает, но миссис Уотерс смотрит сквозь меня. Может быть, не замечает или не хочет замечать? У нее странный взгляд. Наверное, приняла успокоительное, чтобы выдержать сегодняшний день.

Такое впечатление — меня саму напичкали лекарствами. Не могу поверить в то, что происходит. Священник обращается к присутствующим. Все встают и поют «Господь — мой пастырь».

Вспоминаю картину, на которой Иисус изображен в белых одеждах, с посохом в руках. Она когда-то висела в комнате моей няни. Это не имеет отношения к Вики.

Потом поднимается мистер Файлзворт и произносит короткую речь, как в школе. Терпеть не могу его манеру выступать — медленно, задушевно, выделяя нужные слова. Держу пари — каждый день репетирует перед зеркалом в ванной! Мне не нравится, что он рассуждает о какой-то чужой девочке по имени Виктория — живой, веселой, прилежной, доброй, надежной и трудолюбивой.

Чушь! Вики пыталась отвертеться от любого поручения и иногда отвратительно себя вела. Чихать ей было на школу! Всегда называла ее дырой! О мистере Файлзворте отзывалась и того хуже! Вряд ли он когда-либо разговаривал с Вики, но его голос становится все громче, и ему приходится часто глотать, чтобы поскорее добраться до конца своей мини-проповеди. Потом все поют другой гимн. Священник смотрит туда, где сидят мистер и миссис Уотерс. Интересно, они будут говорить? Нет, миссис Уотерс уставилась на противные бархатные занавески. Мистер Уотерс плачет. Блестит его покрасневшее лицо. Встает дедушка Вики и проходит вперед, сжимая в трясущейся руке помятую бумажку.

— Наша Вики, — объявляет он, будто это заглавие, и медленно, иногда запинаясь, читает короткую речь. Дедушка хороший, и я знаю, Вики любила своих стариков, но слушать его очень тяжело. Он вспоминает о ее детстве: — Наша малышка смешно коверкала слова, любила пошалить...

Хочу заткнуть уши и слегка цокаю языком, чтобы отвлечься.

— Как ты? — шепчет Толстый Сэм.

Я думала, меня никто не слышит.

— Вики бы посмеялась над их льстивыми речами, — говорит Сэм.

Пристально на него смотрю. Хорошо, хоть он понимает, какой Вики была на самом деле! Никогда не воспринимала Сэма всерьез. В классе его держат за толстяка клоуна, который всех смешит. Он не обижается — никто не насмехается над его полнотой, но девчонки считают, в нем нет ничего особенного. Кто бы мог подумать, что Сэм раскусил Вики? Едва заметно ему улыбаюсь.

— Так держать, Джейд! Сэндвичи целы!

— Пока целы, — шепчу я в ответ, потому что Джэнис Биггс играет на флейте пьесу Генделя. Скоро моя очередь.

Когда выступление Джэнис подходит к концу, я, пошатываясь, встаю со своего места. Сэм поддерживает меня под локоть. Благодарно кивнув, иду вперед и поворачиваюсь лицом к собравшимся. Церковь переполнена. Люди стоят в проходах. Аншлаг. Вики бы понравилось

— можно победно улыбнуться и помахать поклонникам белыми лилиями.

«Причины для радости», — объявляю я. Текст в духе Вики, поэтому читаю ее голосом, точно это не я, а она: — "Жить интересно, как лететь с американских горок. Интересно посмеяться с лучшей подругой и пойти погулять с мальчиком. Интересно протанцевать весь вечер, остаться ночевать у друзей и не ложиться спать. Интересно включить музыку на полную громкость и подпевать. Интересно дразнить людей. Интересно ходить с мамой по магазинам в поисках чего-нибудь новенького. Интересно сидеть на подлокотнике кресла и вить из папы веревки, заставляя его выполнить любой каприз. Интересно высунуть язык и смотреть на себя в зеркало...

Другие причины...

Жизнь прекрасна. Не только природа, голубые небеса, цветы и маленькие кролики.

Прекрасен город. Я в восторге от торгового центра «Лейклендз». Все высотные дома на холме красивы. Великолепен Лондон. Еще лучше Нью-Йорк. Не дождусь, когда туда поеду!

Очень интересно путешествовать. Обожаю каникулы!

И последняя причина.

Жизнь коротка. Никогда не знаешь, сколько осталось, чтобы прожить как следует. Не тратьте время на нытье! Получайте удовольствие!"

Все умолкли — слышно, как муха пролетит, — и удивленно ищут глазами Вики, словно, притаившись у меня за спиной, читает она сама.

После похорон я не возвращаюсь со всеми в школу. Мистер и миссис Уотерс пригласили маму, папу и меня к себе домой. Я никогда не была там без Вики. Куда делась вся мебель? Родственники стоят в растерянности и не знают, что нужно говорить или делать в таких случаях. На столе огромное количество еды, прикрытое фольгой, но мама Вики никому ее не предлагает и не открывает бутылки с вином и шерри. Она застыла, уставившись в пространство, и, когда с ней разговаривают, кивает или качает головой, но видно, что не слушает. Папа Вики снова плачет. Бабушке приходится вывести его из комнаты. Разговоры стихают. Люди разглядывают еду. Время обеда еще не наступило. Пригласили бы к столу — у всех, по крайней мере, появилось бы занятие. Мне не по себе. Тихо стою между родителями. Никто с нами не разговаривает. Папа зевает, переваливаясь с ноги на ногу. В глазах мамы укор — ей стыдно за мужа, и кажется, все на нас смотрят, потому что мы из района для бедных.

— Ничего не могу поделаться, — шипит папа. — Я совсем не выспался.

У него блестит лицо, а в глазах — белые точки. Мама вздыхает, приподнимает брови, когда он, показывая пломбы, снова зевает, но понимает — ругаться нельзя.

Торопливо входит бабушка Вики и подходит к ее маме:

— Я поставила чайник, дорогая. Чашка чаю никому не помешает. Прошу к столу!

Как по команде, присутствующие оживают, направляются к еде и передают друг другу тарелки.

Возвращается папа Вики с банками пива из холодильника. У него красные глаза.

— Ведь есть вино! — ворчит мама Вики.

— Да, но это для мужчин.

— Ты хочешь устроить попойку на похоронах нашей Вики?! — громким голосом спрашивает мама, заглушая всех остальных.

Похоже, они вот-вот поссорятся. Мама Вики оглядывается и понимает, что на нее все смотрят. Глаза наполняются слезами, и, беззвучно шевеля губами, точно ругаясь, она выходит в кухню.

— О господи! — говорит бабушка Вики и беспомощно оглядывается по сторонам.

Папа Вики качает головой. Они решают оставить ее в покое.

Напрасно — чай не заварен. Приходится есть сухомятку. Сэндвичи и булочки с сосисками застревают в горле. Бабушка Вики направляется в кухню и вдруг замечает меня:

— Будь умницей, Джейд! Пойди и завари чай!

— Не могу! Мама Вики...

Я самая последняя из тех, кого ей сегодня хочется видеть, но моя мама тоже просит:

— Давай, Джейд, помоги!

— Ну мама...

Она наклоняется ко мне и шепчет:

— Не подводи меня при всех!

Ничего не поделаешь! Приходится идти на кухню. Мне страшно — боюсь, мама Вики перережет себе вены или запустит в меня ножом, но она стоит у буфета и, опустив палец в сахар, потом жадно его облизывает. Опустит — оближет. Опустит — оближет. Вдруг

замечает меня, резко поворачивается и чуть не просыпает пакет.

— Я не... — пытается она объяснить.

— Знаю. Вики так делает.

— Я ее за это ругаю. Негигиенично облизывать палец, а потом снова лезть в сахар, но она никогда меня не слушает, непослушная девочка.

— Она и мед любит пальцем есть.

— Моя Вики — настоящая сладстена. И ни одной пломбы! Везет же некоторым!

— Только не мне — полон рот пломб.

— Зубы. Они... остаются? — спрашивает она. — Как ты думаешь? Они... — Она машет рукой, не в силах произнести слово «горят».

Мы обе вздрагиваем при мысли о том, что происходит за стенами крематория.

— Я не знала, что делать с ее волосами. Обожаю кудри нашей Вики. Она смотрит телевизор, облокотившись мне на колени, а я ей расчесываю локоны. Ей нравится, она выгибает спину...

— Как кошка.

— Да-да. Поэтому мне была невыносима мысль, что уничтожат ее великолепную копну. Я взяла ножницы и пошла в морг. Собиралась отрезать большую прядь, но не осмелилась — не смогла изуродовать прическу своей любимой девочке. Хотела, чтобы она выглядела, как всегда, великолепно.

Мама хватает пакет с сахаром и крепко сжимает его в руках:

вижу,

— Знаю, я тоже.

Она пристально на меня смотрит:

видишь!

— Да. И она со мной разговаривает.

— Что ты сказала? — переспрашивает она, и лицо ее каменеет. — Она со мной не разговаривает. Почему она со мной не разговаривает?!

С ума можно сойти! Мы продолжаем спорить из-за Вики, когда той уже нет на свете. Так было всегда. Миссис Уотерс хотела, чтобы Вики ходила с ней по магазинам, в гости к бабушке с дедушкой, на костюмированные вечеринки. Одним словом, как все мамы, она мечтала побольше времени проводить с дочкой. Чаще всего Вики удавалось отвертеться, и она оставалась со мной. Миссис Уотерс никогда к ней не придиралась — она во всем обвиняла меня.

— Значит, она с тобой общается...

— Да, но очень часто вспоминает вас. Говорит, что скучает...

— Нечего мне рассказывать, что чувствует моя Вики! — ворчит мама и легонько меня толкает.

— Простите, — растерянно отвечаю я и насыпаю заварку в чайник, чтобы поскорее убраться из кухни.

моя

Я и не собиралась сюда входить, но меня попросили — бабушка Вики и другие. Они хотят чаю, чашку чаю, — бурчу я.

Миссис Уотерс в недоумении смотрит на меня, словно ушам не верит.

—

Она гремит чайником. Звенят бутылки с молоком.

— По крайней мере, хоть ты понимаешь, каково мне сейчас! Ты ведь ее тоже любишь, как и я, да?

«Даже больше», — без слов отвечаю я.

— Ах, Джейд! — вдруг говорит она и роняет бутылку.

Молоко заливает мне туфли и юбку. Мы обе удивленно моргаем.

— Потерянного не воротишь! — бормочет она и странно хихикает.

По щекам катятся слезы. Вдруг миссис Уотерс обнимает меня и крепко прижимает к себе. Я тоже обнимаю ее, и мы стоим посреди белой лужи, которая растекается по полу.

— Как нам это пережить? — спрашивает она.

Не знаю. Во всяком случае, в день похорон существует определенный ритуал. А дальше?

Что будет потом?

Что потом?

Дни тянутся бесконечно, время течет очень медленно. Я уже не верю своим часам! Похоже на замедленную съемку. Каждый шаг дается с трудом, точно меня засасывает в болото. Еда застревает во рту, как жвачка. Любое действие требует колоссального напряжения — пять минут уходит на то, чтобы почистить зубы или завязать шнурки.

Когда начинаю говорить, голос звучит искусственно, словно мне задали не ту скорость.

В школе все очень добры ко мне. Но как ответить на их заботу?! Кажется, я бреду в густом тумане, а они резвятся на солнышке. Иногда девочки плачут по Вики, но их грустное настроение приходит и уходит. Некоторым нравятся разговоры о смерти. Они пристают с расспросами о том, как Вики умирала, и хотят услышать подробности. Отвечаю, что мне больно вспоминать. Не могу! Не могу! Не могу!

Мистер Файлзворт посылает за мной, и мы сидим в его кабинете. На столе — поднос с кофе и печеньем, как перед родителем-спонсором. Он несет невероятную чушь: жизнь это миг, существуют разные стадии адаптации к горю, нужно идти вперед... Директора не остановить — он в ударе. Беру шоколадное печенье, чтобы отвлечься, и не могу проглотить. Это началось со дня смерти Вики и ужасно меня раздражает — только и делаю, что глотаю, но, как только нужно поесть, ничего не получается. Кашляю, давлюсь и обсыпаю мистера Файлзворта крошками. Вряд ли он еще раз пригласит меня к себе.

больнее.

Однажды слышала, как мама шепталась с папой: она думала, будет труднее, а я хожу в школу и почти нормально себя веду... Страшно незаметно превратиться в зомби, но самое ужасное — Вики здесь больше нет. Изо всех сил пытаюсь ее вызвать — ничего не получается. Иногда притворяюсь, что мы болтаем, но знаю — я сама говорю за нее. Мои старания напоминают детскую игру «Давай представим, что...», в процессе которой ты вдруг осознаешь, что повзрослела.

Как вернуть Вики? Иногда мечтаю с ней соединиться — ведь она этого хотела.

Прокручиваю в голове разные варианты, но никак не могу решиться. Не хватает смелости, чтобы подняться на крышу многоэтажной автостоянки и прыгнуть вниз. Кроме того, если

разобьешься и превратишься в отвратительное кровавое месиво, может быть, и в другой жизни останешься такой же. Думала я и о том, чтобы повеситься, но веревка есть только в физкультурном зале, а там в своих кроссовках скачет мистер Лорример и за всем наблюдает. Да и узлы я как следует завязывать не умею. Есть еще таблетки, но глупо на них надеяться, когда у тебя проблемы с глотанием. Целый день уйдет на то, чтобы запихнуть в себя побольше лекарств, но нет гарантии, что после этого окажешься рядом с Вики. Может быть, после кремации она исчезла навсегда.

Жаль, что ее еще не похоронили, — я могла бы ходить на кладбище. Ей бы понравилось надгробие с белым мраморным ангелом.

Выйдя из школы, я часами торчу на том месте, где Вики попала под машину, в надежде, что она прилетит. По тротуару пройти нельзя — он утопает в цветах. Поверх увядающих букетов появляются новые. Там много плюшевых мишек, кроликов, маленьких игрушечных мельниц и писем. Некоторые из них покрылись синими пятнами от дождя, другие для сохранности вложены в специальные пластиковые папки. Можно найти и фотографии Вики, вырезанные из газет. Они наклеены на плотную бумагу и украшены блестящими звездочками и сердечками. Я пристально смотрю на бумажных Вики, и они мне насмешливо улыбаются.

— Пожалуйста, поговори со мной! — бормочу я. — Пожалуйста, Вики! Я сделаю все, что ты захочешь. Буквально все! Вернись и поговори со мной!

На плечо опускается рука. Это мистер Лорример. О боже! Вики его прислала.

— Бедная Джейд, — говорит он и гладит меня по плечу.

Вдруг мистер Лорример замечает мое испуганное лицо и отдергивает руку, точно от раскаленной батареи. Наверное, ему тоже страшно — еще приму его сочувствие за приставание!

— Ну, ладно. Не буду тебя беспокоить, — говорит он, собираясь уходить.

— Мистер Лорример, — вдруг каркаю я и сама не могу поверить в то, что сейчас скажу. Он в тревоге останавливается.

— Мистер Лорример, я подумала и решила, что действительно хочу записаться в вашу секцию «Бег ради удовольствия».

Он удивился. Любой на его месте сделал бы то же самое.

— Знаю, я плохо бегаю.

— Я бы так не сказал, — любезно отвечает он, хотя нормальный человек с ним бы не согласился.

— Просто Вики хотела записаться, и...

— Понимаю... По-моему, отличная идея, Джейд. Пожалуйста, приходи в следующую пятницу. Добро пожаловать!

— Даже если я буду бежать позади всех?

— Мы не гонимся за рекордами. Нужно получить удовольствие. Неважно — быстро ты бежишь или медленно. Выбери любую скорость, Джейд.

— А если я поползу как улитка?

— Ну, не всем же быть ягуарами! Увидишь рядом и других улиток...

Он улыбается и уходит, но я уже не одна — рядом стоит Вики и ухмыляется.

— Ой, Вики! Как я соскучилась!

— Ты возненавидишь бег!

— Знаю.

— Бедняжка Джейд! Несчастливая я! Мне уже начинают надоедать шалости призраков. Я тоже по тебе соскучилась.

Раскрываю руки для объятий и не чувствую ее, но Вики здесь — она часть меня.

Ну вот — пришло время бегать. Сама напросилась — никто не виноват. Не удастся получить удовольствие, и вряд ли когда-нибудь это меня спасет.

чуть не умерла, бледная как смерть, меня это убивает.

В физкультурном зале переодеваюсь в шорты и майку. Я небрежно засунула их в свой шкафчик, и теперь они ужасно мятые.

Шорты плохо сидят, потому что слишком велики в талии и широки в бедрах. Потеряешь бдительность — рискуешь из них выпасть. Нормальных кроссовок тоже нет — заурядные кеды на резиновой подошве. Но не все ли равно? Теперь мне помогут только кроссовки с крыльями.

Уморительное будет зрелище! Джули Майерс и Лора Мосс тоже переодеваются. Джули — капитан школьной сборной девчонок. Мускулистая Лора не уступит ей в ловкости — входит во все сильные команды, к тому же прекрасная пловчиха. Одни ее загорелые ноги весят больше меня. Чувствую себя тощей и глупой. Они с любопытством на меня поглядывают, гадая, что я здесь делаю. Выхожу, спотыкаясь, из раздевалки и еле-еле тащусь на площадку. Еще не бегала, а уже устала.

Вижу на беговой дорожке целую группу «выдающихся спортсменов» — они усердно разминаются, точно им предстоит выступить на Олимпийских играх. Хоть бы потихоньку удрать!

А вот и мистер Лорример — он приветливо машет рукой и подбегает ко мне:

— Джейд! Молодец, что пришла! Ну, как ты? Глупый вопрос. Бег пойдет тебе на пользу, хотя вижу, ты не в восторге. Я угадал?

Молча киваю.

— Начни с простого — пройди несколько раз вокруг поля.

— Пройти?

— Быстрым шагом, чтобы размяться. Это тебе не витрины рассматривать!

Мне становится жарко. Слишком жарко. Майка прилипла к телу.

— Ходьба полезна для кровообращения, — говорит мистер Лорример, увидев, что я дунула себе на челку. — На, сделай глоток.

Он протягивает мне бутылку с водой:

— Обед из пяти блюд тебе бы сейчас тоже не помешал. Ты сегодня что-нибудь ела, Джейд?

— Да, — обманываю я.

— Уж очень ты худенькая! — восклицает он.

— От этого все проблемы! — пыхтит рядом с нами Толстый Сэм.

В сером спортивном костюме он кажется еще толще.

— Юмора тебе не занимать, Сэм, — смеется мистер Лорример.

— Юмор — самое мощное оружие, — говорит Толстый Сэм, подняв руки и пародируя поигрывание мускулами. — Ну, теперь смотрите, как побежит чудо-мальчик.

Он корчит смешную гримасу и мчится вперед.

— Эй, потише! Не торопись! Сначала походи — составь Джейд компанию. Тольконими свой костюм, а то растаешь!

— Я его специально надел, мистер Лорример, чтобы растопить жир.

— Так и свариться недолго! Снимай, снимай!

— Может, не надо, сэр? Не хочется раздеваться перед Джейд. Я стесняюсь.

Кажется, Сэм валяет дурака, но, когда стягивает с себя костюм, краснеет по-настоящему и похож на слона, который скидывает кожу.

— Как тебя угораздило сюда записаться? Ты же, как и я, ненавидишь бег.

— Когда-то ведь надо начинать, — говорит Сэм.

Мы оба понимаем, как до этого далеко. Труд, но даже несколько раз пройти вокруг поля в быстром темпе — дыхания не хватает.

— Может, в конце концов, мне не надо поддерживать форму? — пыхтит Сэм.

— Ну да, кому нужны мускулы? — отвечаю я и вижу, как мимо нас легко пробегают ребята.

Третий круг мы почти проползаем.

— Похоже, вам пора взбодриться, — говорит мистер Лорример. — Ну-ка, вы оба, прибавьте темп! Потом попробуем пробежаться.

— Мне лучше сперва отлежаться, — с трудом произносит Сэм.

— Больше работай ногами, а не языком, — шутит мистер Лорример и убегает от нас.

— Как ты думаешь, в юности он был таким же толстым занудой, как и я? — пыхтит Сэм. —

Потом записался в секцию бега и — бух — превратился в красавца бегуна.

— А ты думал! — сухо отвечаю я (у меня в буквальном смысле пересохло во рту).

Из пор выходит вся влага, скопившаяся в теле. Только бы мой дезодорант не подвел!

Чувствую себя отвратительно. Слава богу, рядом только Сэм. Ему еще тяжелее — лицо блестит, как клубничное желе. Сколько бы он ни пытался промокнуть лоб платком, тот остается влажным.

Мимо нас проносятся три фитнес-фаната из десятого класса, что-то грубо говорят о китах и прыскают со смеху. Сэм весело смеется.

— Это они про меня, — пыхтит он и показывает, как кит выпускает фонтан воды.

Мальчишки снова хохочут и бегут дальше.

— Ты всегда валяешь дурака, Толстый.

— Пусть уж лучше смеются со мной, а не надо мной.

Я внимательно смотрю на него. Вовсе он не клубничное желе, а настоящий парень.

— Понимаю, — тихо говорю я. — Прости меня, Сэм.

Он мне улыбается.

— К сожалению, сейчас вам будет не до смеха, — говорит, обгоняя нас, мистер Лорример. — Вы оба вполне разогрелись. Попробуйте пробежать полкруга.

— А разве нам нельзя хоть чуть-чуть отдохнуть? — с надеждой спрашивает Сэм.

— Тогда вам снова придется разминаться, — отвечает мистер Лорример. Давайте, друзья, побегайте! Не надо торопиться!

Сэм морщится, но бежит. Я сжимаю кулаки и тоже пытаюсь себя заставить.

— Нет, ребята, расслабьтесь. Нечего зубы стискивать! Разминайтесь! Парите!

— Ну, конечно, мне только парить, — чуть не падая, задыхается Сэм.

— Старайся не горбиться, дружище! Держитесь оба прямо! Не сутулься, Джейд, а то ты становишься еще меньше. Держи спину! Не забывай об осанке!

Он легко бежит рядом, практически на одном месте, а мы в это время хватаем ртом воздух и еле ноги передвигаем.

— Мне нечем дышать, — стонет Сэм.

— Нет, ты ошибаешься. Пока ты разговариваешь — все нормально.

У меня получается еще хуже — внутри что-то булькает, из груди вырывается стон. Мистер Лорриммер дает нам передышку и позволяет перейти на шаг.

— А еще говорят, нам это пойдет на пользу, — жалуясь я.

— У меня начался сердечный приступ, — пугает Сэм.

— Не надейся, что я тебя поцелую и ты очухаешься.

— Придумал средство, как быстрее избавиться от лишнего веса, — нужно отрезать обе ноги, тогда и болеть будет нечему — неудачно острит Сэм. — У меня икры судорогой сводит.

— Не представляю, о чем ты, но, кажется, у меня разрыв мягких тканей, — хнычу я.

Мы ковыляем и придумываем себе травмы. Похоже на пытку, но хорошо, когда есть кому пожаловаться, — Вики всегда убегает вперед и выпендривается.

— Джейд, что с тобой? У тебя заболел бок?

Я качаю головой, не в силах ничего объяснить.

— Это из-за Вики? — деликатно интересуется Сэм.

Смотрю на него и удивляюсь — не ожидала, что он способен меня понять. Странно, мне начинает нравиться Толстый Сэм.

Наверное, это оттого, что мы оба зациклились на Вики. Куда же она запропастилась? Я надеялась, будет летать вместе со мной, — из-за нее, как дура, и в секцию записалась. Может, поджидает меня около школы? Быстро принимаю душ и убегаю.

Цветов стало еще больше. Розы с плотными, нераскрывшимися бутонами... Большие белые восковые лилии с их похоронным запахом.

— Наверное, в нашем цветочном магазине остались только полевые цветы, — говорит Вики, приземлившись прямо передо мной.

От неожиданности замираю на месте.

Она смеется:

— Что остановилась как вкопанная? Мертвых не видела? А может, я не умерла? Интересно, это нас называют привидениями? Словно мы этнические меньшинства! Каких только терминов не изобрели!

— Ты не привидение. Ты Вики.

— Маленькая Вики-Ангел, — насмешливо говорит она, сложив руки на груди, потом поворачивается и смотрит себе на спину: — Пытаюсь выдумать чудесные, покрытые перьями, шелестящие крылья, но получается лишь пух от волнистого попугайчика. Ну, ничего не поделаешь. Зато у меня есть все остальное.

Черный топ и джинсы становятся серебристо-белыми. Волосы поднимаются над головой и укладываются в великолепный золотисто-рыжий нимб. Вики глядит на цветы под жемчужными сапожками и делает знак рукой. Розовые бутоны обвивают ей шею, украшают браслетами запястья и, как кольца, покрывают пальцы. Лилии окутывают плащом и величественно покачиваются при ходьбе, словно передо мной не Вики, а ангел.

Вдруг она делает шаг, царственно кивает головой и хитро смотрит на свои сапожки:

— Правда, я похожа на Элвиса? Помнишь, он носил ужасно пошлую белую накидку? Ну, точно — Элвис на закате карьеры.

Жемчужные сапожки превращаются в васильковые замшевые туфли, и Вики, повиливая бедрами в переливающихся расклешенных брюках, показывает, как танцевал Элвис Пресли.

Приходится бежать, потому что трудно удержаться от смеха.

— Подожди меня! Ты что — еще не набегалась?

Сбросив замшевые туфли, Вики летит вниз. На ветру туфли кружатся волчком. Потом она срывает с себя цветы, и те осыпаются, как конфетти.

— Где ты была, когда я бегала? Я ведь только ради тебя пошла в секцию, а ты куда-то пропала.

— Я туда прилетала и собиралась побегать вместе с тобой. Ты сама ушла с придурком Сэмом.

— Сэм хороший.

— Фу... этот Сэм...

— Заткнись, Вик!

— Вот еще! Буду говорить столько, сколько захочу, сколько захочу, сколько захочу! — вьется она надо мной и кричит прямо в ухо.

— Прекрати!

— Не дождешься!

— Ты меня с ума сведешь!

— На то я и призрак.

— Джейд?

Около меня останавливается машина. Вздрагиваю от неожиданности и сильно трясую головой, чтобы не слышать Вики. Улица превращается в расплывшееся пятно.

— Джейд, тебе плохо?

Это мисс Гилмор (она преподает английский и руководит драмкружком). О господи, надеюсь, я не разговаривала с Вики в полный голос?! Сверкнув глазами, Вики подходит к мисс Гилмор. Ей интересно, что произойдет дальше.

— Спасибо, все нормально, — бормочу я.

— Хочешь, подвезу тебя домой?

Звучит заманчиво. После бега я сильно устала — хочется забраться в машину к мисс Гилмор и уехать, но Вики вращает глазами и качает головой.

— Очень мило с вашей стороны, но я лучше пройду.

— Как у тебя дела, Джейд?

Я пожимаю плечами.

— Мне очень понравилось твое выступление в церкви — словно сама Вики читала. Знаешь, в драмкружке уже начались занятия. Я видела в списке твою фамилию, но кто-то ее вычеркнул.

— Я... передумала.

— Может, ты снова передумаешь? Мне кажется, из тебя бы вышла замечательная актриса. Добрые слова мисс Гилмор искрятся на солнце, но Вики кидает на меня сердитые взгляды.

— Не знаю, мисс Гилмор.

Она думает, мне не хватает смелости.

— Приходи на следующей неделе, Джейд. Просто попробуй! Будут девочки из твоего класса, Мадлен и Сара.

Вики нетерпеливо вздыхает и, пролетев в своем сверкающем наряде сквозь мисс Гилмор, начинает хулиганить, выглядывая то из ее трикотажной блузки, то из брюк. Потом хватается меня прозрачными руками за голову и пытается ею покачать в знак отказа.

— Джейд, у тебя болит шея?

— Она... слегка онемела.

— А я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой! Ты не пойдешь в этот ужасный драмкружок! Мы так не договаривались! Из-за этого драмкружка...

Я не могу позволить ей договорить.

— Извините, — шепчу я мисс Гилмор и пускаюсь наутек. Вики несется рядом и, торжествуя, рисует в воздухе пьедестал почета.

Добежав до угла, я в изнеможении приваливаюсь к стене.

— В чем дело? — спрашивает Вики.

— Мне плохо.

— Да что ты говоришь?! А каково мне?

— Понимаю. Прости.

— Что-то непохоже на раскаяние. Вспомни, как щебетала с противным Толстым Сэмом...

— Буду держаться от него подальше.

— Толстый...

— Мерзкий толстяк. Жирный-прежирный.

— Правильно! Поделом ему! — ухмыляясь, говорит Вики. — Хочешь, пойду к тебе домой? Я тебя догоню.

Она взлетает и исчезает в воздухе, оставляя меня далеко позади.

Итак, все встало на свои места. Моя жизнь не очень отличается от той, что была при Вики. Тогда она хотела владеть моим вниманием без остатка. Сейчас она его получила. Окружающим это трудно понять. Особенно Толстому Сэму. Он поджидает меня после уроков, пытается сесть рядом за обедом, проводить домой.

— Отшей этого урода! — командует Вики.

— Прости, Сэм, — говорю я.

Вики хмурится и злится. Набираю воздух в легкие и выпаливаю:

— Прости, Толстый. Я хочу идти домой одна.

Он внимательно на меня смотрит. Становится не по себе. Не могу взглянуть ему прямо в глаза. Вместо этого смотрю на цветы Вики — их невероятное количество. Они забили водосточный желоб и дренажную канаву. Когда идет дождь, образуется большая лужа. Кто-то хотел убрать увядшие букеты, но поднялись сильные протесты. Люди безропотно переходят улицу и идут по противоположной стороне, чтобы не испортить букеты Вики. Она одна разгуливает среди цветов — идет на цыпочках по тюльпанам, отплясывает на маргаритках, весело играет с розами. Иногда останавливается, чтобы прочитать письмо, посмотреть фотографии, прикоснуться к плюшевому мишке. Я видела, как иногда она тоскует и плачет, а в другие дни важно расхаживает, подсчитывая трофеи и хвастаясь, что по ней горюют не только в нашем городе, но и во всей Англии. Местное телевидение сняло на эту тему небольшой сюжет. Папа записал его для меня на видео. Когда я его смотрю, Вики всегда рядом — сидит и любит себя собой.

Иногда ею овладевает цинично-буйное настроение — она пинает, топчет цветы, разбрасывая их, как осенние листья, и, кривляясь, читает послания вслух:

— «Вики, я тебя никогда не забуду». — В голосе сквозит презрение. — Что ж, дорогой!

Продолжай в том же духе! Была бы я жива, и не взглянула бы в твою сторону.

Сейчас она в отвратительном настроении. Раскачиваясь взад-вперед и грубо обзывая Сэма, она швыряет в него фантомных плюшевых мишек и прозрачные розы.

— Куда ты смотришь? — спрашивает Сэм.

— На тебя.

— Нет. Ты иногда представляешь, что Вики рядом?

— Нет!

— Нечего рассусоливать! Уйди, и дело с концом! Что этот урод себе вообразил?!

Любопытная медуза! Скажи ему! Скажи! — настаивает Вики.

Я сама себе противна. Выпаливаю оскорбления и убегаю.

— Зачем его обижать, Вик? — спрашиваю я, когда мы подходим к дому. — Ты ему нравишься — вот он и крутится вокруг меня, чтобы утешить. Он понимает...

— А мне какое дело? Ну, скажи честно, он тебе нравится?

— Не выдумывай!

— Не я смотрю коровьими глазами, когда этот свинтус ходит вокруг и хрюкает.

— Не надо! Не говори о нем плохо! Почему ты злишься?

— Почему? Я что — радоваться должна, что умерла?

— Ладно, ладно! Не нервничай! А то голова заболит.

Смотрю и жду, когда она оторвет себе голову и та юлой закружится в космосе, но Вики вдруг сникает и прижимается ко мне:

— Прости, Джейд. Я не нарочно. Что-то на меня находит, особенно когда ты можешь поболтать с людьми, а я нет.

— У тебя есть я. Не забывай об этом, Вики, — успокаиваю я и обнимаю ее со всей нежностью. — Не хочу ни с кем, кроме тебя, разговаривать!

Кажется, наконец до Толстого Сэма дошло — в школе он больше не ходит за мной и не ждет после уроков. Завидев на улице, отворачивается и с беззаботным видом направляется в другую сторону. Ну конечно, «с беззаботным» — сильно сказано, во всяком случае, Толстый Сэм старается как умеет.

По пятницам нужно идти на занятия секции. Мистер Лорример хочет, чтобы мы вместе бегали. Во время разминки Сэм притворяется, будто у него развязались шнурки на кроссовках, и ждет, пока я уйду подальше, а потом держится на расстоянии двадцати шагов, хотя мистер Лорример подает ему знаки, чтобы он меня догнал. Потом мы бежим, сохраняя между собой дистанцию, хотя Сэму приходится топтаться на месте, когда я внезапно останавливаюсь от боли в боку.

— Эй, Джейд, что произошло между вами? — спрашивает мистер Лорример.

— Ничего, — говорю я, держась за бок.

— Наклонись вперед. Через минуту боль пройдет. Что значит «ничего»? Меня не проведешь. Вы поссорились?

— Послушайте, он не имеет ко мне никакого отношения. Он просто Толстый Сэм. Вики ухмыляется.

Мистер Лорример хмурится:

— Хватит, Джейд. Не надо его обижать. Ты ведь не любишь, когда обзываются!

Мне стыдно, потому что совсем не все равно, что думает мистер Лорример, да и мнение Сэма тоже не безразлично. Просто Вики значит для меня гораздо больше.

Несмотря на боль в боку, бегу вперед. Мистер Лорример не отстает. Я сбавляю скорость — он тоже замедляет темп. Не удастся бежать быстрее — не могу же я от него отмахнуться!

— Как ты думаешь, почему Сэм записался в секцию?

— Не знаю, — пыхчу я.

Хотел похудеть? Поддержать форму?

— Потому что хотел быть рядом. Он увидел твою фамилию в списке и решил, что без Вики тебе будет тяжело.

— У меня сердце кровью обливается! — грубо вмешивается Вики. — Не смей размякать, Джейд! Ты не будешь дружить с Толстым Сэмом.

У меня и не получится. Он, как тень, тащится позади. Наконец мистер Лорример оставляет меня в покое. Я бегу, потом иду, потом снова бегу. Вики летит следом и кувыркается в воздухе. Ей весело. Вот бы порезвиться вместе с ней! Это из-за нее мне приходится бегать. Но почему-то вдруг становится скучно — не то что на прошлой неделе.

— Как ты смеешь со мной скучать?! — возмущается Вики.

Она не отпускает меня ни на секунду. Протискивается рядом, когда я сижу за партой, и мешает слушать. Когда нужно писать, отбирает ручку:

— Расслабься, зубрила несчастная! Никто не ждет от тебя успехов! Тебе полагается меня оплакивать.

Из-за Вики не то что заплачешь — зарыдаешь! Каждый раз, когда перед партой останавливается учитель и хочет спокойно поговорить, она начинает ужасно себя вести. Приходится опускать голову и прятаться за волосами, потому что меня разбирает смех. Иногда, наоборот, глаза на мокром месте. Мадлен очень хорошо ко мне относится, особенно теперь, когда Сэм держится в стороне. Она заметила, что я ничего не делаю, и предлагает у нее списать. Во время перемены отламывает полплитки «Кит-Кат» и делится со мной.

— Не надо, Мэдди, пожалуйста. Ешь сама, — говорю я.

Но она и слушать не хочет.

— Мне вообще нельзя шоколада, — отвечает Мадлен и ударяет себя по толстому животу. — Я бы все на свете отдала, чтобы стать худенькой, как ты, Джейд.

С ума сошла! Терпеть не могу свои тощие руки, острые локти, костлявые колени. Грудь плоская, бедер совсем нет — чему тут завидовать!

— Да, ты, конечно, отвратительно выглядишь, но разве можно вас сравнивать?! Только посмотри на эту толстую зефирину! Тебя так и тянет к жирным! Прогони ее!

— Я не знаю как...

Надо же — получилось слишком громко!

Мадлен изумленно моргает:

— Попробовать сесть на диету? А вдруг поможет? В субботу сестра принесла потрясающие брюки, но они слегка маловаты. Конечно, если постараться втянуть живот... Слушай, Джейд, заходи к нам сегодня вечером — посмотришь, можно мне их носить или нет, и честно выскажешь свое мнение...

— Скажи, что с такой задницей вообще нельзя ходить в брюках! — кричит Вики.

— Прости, Мэдди, я не могу.

— А завтра после школы?

— Нет, мне нужно сразу домой.

— Ну а в субботу? Мы с Дженни и Вики-2 хотим пойти поплавать. Хочешь с нами?

Представляю себе бассейн с изумрудной водой и уже предвкушаю, с каким удовольствием поплыву по дорожкам... Обо всем забыв, киваю... Но с Вики этот номер не пройдет.

— Ишь чего выдумала! И не надейся — ни за что тебя с ними не отпущу! Что с тобой происходит?

— Сама знаешь...

— Ну, пойдешь в бассейн? — улыбаясь, спрашивает Мадлен.

— Нет, нет. Не смогу! Мне нужно идти. Пожалуйста, Мэдди, не уговаривай!

— Я просто стараюсь с тобой подружиться!

— Понимаю! Но не могу тебе ответить тем же! — отнекиваюсь я. Мне неловко.

На следующий день на перемене становится еще хуже — Мадлен поворачивается ко мне спиной и ест шоколад в гордом одиночестве. Ломаю голову, что придумать в свое

оправдание, но она уходит в парикмахерскую вместе с Дженни и Вики-2.

Толстый Сэм крутится поблизости, но стоит мне посмотреть в его сторону, как он достает последний номер «Терри Прэчетт» и целиком погружается в мир дисков.

— Ты что, расстроилась? — удивляется Вики и делает мне саечку. — Держи себя в руках, Джейд!

Не сама ли ты крепко держишь меня в слабых, но цепких руках?!

Вхожу в школу и пытаюсь скрыться в туалете. Вот бы спрятаться от Вики... Но она идет следом.

— Вики, подожди за дверью! — пробую я ее отпихнуть.

— Нельзя меня толкать! — кричит Вики.

Собираюсь захлопнуть дверь, но она проскальзывает сквозь нее и хочет усесться мне на колени.

—

— Смотри, а то я вообще исчезну.

— Почему мы вечно с тобой ссоримся?

Неужели Вики всегда была такой противной? Конечно, она делала что хотела, но не казалась жестокой. Вместе мы веселились, любили посмеяться...

— Да уж, мертвым не до смеха!

— Прекрати читать мои мысли!

— А ты мои!

— Почему ты злишься? На всех сердиться, даже на меня...

— Несправедливо — я умерла, а ты жива. Почему не наоборот? — спрашивает она, пролетая сквозь меня.

По спине бегут мурашки. Наступит момент, когда она захочет заблокировать мой мозг или совсем подчинить его себе.

— Перестань! Терпеть не могу, когда ты вредничаешь.

— Ничего не случится — твоя душа приросла к тщедушному тельцу. Мне надоело парить в воздухе!

— А где ты была, когда исчезла? После похорон. Куда ты улетучилась?

— Немного покрутилась вокруг мамы с папой, а потом... — Вики выглядит непривычно смущенной. — Знаешь, я пыталась... — Она показывает на небо.

— Подняться?

— Ты говоришь, как о лифте. Да, я туда отправилась.

— Расскажи!

— словно перенеслась в никуда и рассталась со своей прежней оболочкой.

— А разве бывает по-другому?

— Думаю, меня стоит изучать. Жаль, я в этом ничего не понимаю. Никогда не ходила в церковь. Может, если собираешься на небо, нужно побольше о нем узнать? Не могла бы ты мне в этом помочь, Джейд?

— Как? Путеводители по раю не продаются.

— А я и не знаю, есть ли рай. У каждого своя вера. А ангелы? Давай поищем в Интернете.

Я разрешаю ей притащить себя в библиотеку и изо всех сил стараюсь найти информацию об ангелах. В Интернете тысячи ссылок, но многие из них напоминают рассказы сумасшедших о том, как ангелы появляются в самых невероятных местах, например в прачечных, и помогают старушкам загрузить белье в стиральную машину. Их можно неожиданно встретить и на крыше многоэтажной автостоянки, куда они прилетают, чтобы спасти потенциальных самоубийц, не дав тем спрыгнуть вниз.

— Неужели в этом заключается моя роль после смерти — помогать старушкам стирать белье и возвращать к жизни самоубийц? Не позавидуешь!

Я пытаюсь получить информацию о более выдающихся ангелах. Читаю историю о Енохе, который увидел на небесах триста ангелов.

— И что они там делали? — спрашивает Вики, выглядывая из-за моего плеча.

— Пели.

— А дальше что?

— Просто пели невинно-нежными голосами.

— Ой, как скучно! — вздыхает Вики. — Ладно, нужно попробовать.

Она закидывает голову и начинает изображать хор:

— Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

— Шш! Перестань, Вики! Люди смотрят.

Неожиданно до меня доходит — сидящие в читальном зале слышат не ее, а только меня.

Два хихикающих семиклассника отрываются от сайта по биологии, толкают друг друга локтями и крутят пальцами у виска. Два одиннадцатиклассника в тревоге на меня уставились. Миссис Кембридж, выглянув из-за библиотечной стойки, тоже не сводит с меня глаз.

— Чокнутая! — говорит Вики. — Видела бы ты себя — красная как рак.

Стараюсь не обращать на нее внимания и вглядываюсь в компьютерный экран. На меня, безмятежно улыбаясь, смотрит войско ангелов с золотыми нимбами, напоминающими соломенные шляпы. Крылья, чтобы перья не перепутались, аккуратно сложены. Ноги скрыты под расшитыми золотом одеждами.

— Читаешь об ангелах, Джейд?

О господи! За мной стоит миссис Кембридж.

— Готовлюсь к докладу, — бормочу я.

Миссис Кембридж не уходит:

— Джейд, ты занимаешься с психологом?

— Не поняла.

— Ты обсуждаешь с ним тему утраты близкого?

Я качаю головой — даже не знаю, о чем это она.

— Думаю, тебе не помешали бы специальные занятия. Как мы сразу не догадались?

Хочешь, я поговорю с твоими родителями?

Я закусываю губу. Представляю, что подумают об этом мама с папой:

— Они решат, что у меня неприятности в школе.

— Нет, нет. С какой стати? Мы просто хотим тебе помочь, — склоняется надо мной миссис Кембридж. — Скажи, Джейд, что я могу для тебя сделать? Представляю, как тебе трудно

жить одной, без Вики, когда вы привыкли все делать вдвоем.

Не могу же я ей сказать, что я до сих пор без Вики шагу ступить не могу! Она, наверное, думает, что я совсем рехнулась, и тревожно вглядывается в ряд ангелов на компьютере.

— Ты думаешь, Вики попала в рай? — спрашивает она и краснеет.

— Нет, миссис Кембридж.

— Конечно, трудно представить Вики ангелом, — улыбаясь, говорит она.

— Нахалка! — восклицает Вики из-за ее плеча.

Я велю себе не смотреть в ее сторону и пытаюсь сосредоточиться на том, что сказала миссис Кембридж. Кажется, она всерьез задумалась над моими занятиями с психологом.

— Миссис Кембридж, со мной все нормально, правда.

Миссис Кембридж оказалась настойчивой. В половине восьмого раздается звонок в дверь — как раз когда начинается сериал о жителях Ист-Энда.

— Кого это нелегкая принесла? — сердито спрашивает мама, забирая наши подносы с остатками ужина.

Еда на моей тарелке почти не тронута.

— Ах, Джейд! Ну почему ты не ешь? Еще заболеешь анорексией! Не будешь следить за собой — попадешь в больницу. Тед, открой дверь.

— Ты ведь стоишь, — говорит папа, не двинувшись с дивана.

— До чего же ты ленивый! Джейд, пойдй открой. Если это мальчишки с щетками для пыли, скажи, что нам ничего не нужно, хорошо?

Это не маленькие торговцы, а миссис Кембридж, хотя я с трудом узнаю ее в спортивном костюме и майке. Распущенные мокрые волосы свисают ниже плеч.

— Привет, Джейд. Я занималась в фитнес-клубе и решила на обратном пути к вам заглянуть.

— А, — отвечаю я и чувствую, что странно реагирую на ее визит.

Не знаю, как быть, и не хочу приглашать ее войти. Стыдно, когда папа в пижаме развалился на диване. Но не оставлять же ее на лестничной клетке! Грязный мусоропровод опять забит — вокруг летают пакетики от чипсов и обертки от шоколадок, да еще плохо пахнет.

— Джейд, это мальчишки? — кричит мама.

— Нет, мам, это миссис Кембридж, — шиплю я в темный коридор.

— Кто?

Миссис Кембридж притворяется, что ничего не слышит. Я оборачиваюсь и вижу Вики — она кувыркается в воздухе и потешается надо мной. Выходит растерянная мама.

— Это миссис Кембридж, мам, — говорю я. — Из школы.

— Что ты натворила, Джейд? — хмурится мама, глядя на миссис Кембридж. — Как бы то ни было, она ни в чем не виновата. Ей слишком тяжело далась смерть Вики.

— Знаю, знаю, — серьезно говорит миссис Кембридж. Именно поэтому я и пришла. Нам нужно поговорить. — Она ждет приглашения и с надеждой заглядывает в наш коридор.

— Входите, пожалуйста! Вы должны нас извинить — мы никого не ждали.

Мама приглашает миссис Кембридж войти и в коридоре качает головой при виде облезлых обоев.

— Давно собираемся сделать ремонт. Муж каждый день обещает, — бормочет она, входя в гостиную.

Папа лежит, развалившись на диване и подмяв под себя все подушки, пижамная куртка наполовину расстегнута, из-под нее торчит грязная майка.

— Тед! — обращается к нему мама.

Папа садится, прикрывает грудь и прикасается пальцами к небритым щекам.

— Извините, я работаю в ночную смену. Мне пора переодеваться.

— Нет, пожалуйста, останьтесь, мистер Маршалл, если у вас есть время. Разговор займет всего несколько минут.

Папа выглядит растерянным.

— Это миссис Кембридж, из школы. Помнишь, мы виделись на похоронах? Она учительница Джейд.

Видно, что папа вспоминает ее красивую шляпу, и выпрямляется.

— На самом деле я не классный руководитель Джейд, а веду у них французский, — говорит миссис Кембридж и садится на край дивана.

— С парлеканьем франсэ у нее не очень, — замечает папа. — В меня пошла, да, Джейд? Учеба нам дается с трудом.

— Нет, Джейд хорошо успевает по французскому, — говорит миссис Кембридж.

Вот это новость! Мой лучший результат — пятое или шестое место в классе, а на прошлой неделе я очень плохо написала тест.

— По результатам последнего теста я вторая от конца, — тихо вставляю я.

— Джейд! — восклицает мама и смотрит на миссис Кембридж. — В школе я сдавала французский и испанский, а потом собиралась пойти на курсы — хотела расширить словарный запас.

— Отличная идея! — говорит миссис Кембридж. — Джейд, я знаю, ты плохо написала последний тест, но это вполне естественно — тебе трудно пережить смерть Вики.

— Вики ей не помогала — всегда у нее списывала. Джейд постоянно делала за нее домашние задания. Я всегда считала свою дочь зубрилкой.

— Неправда, мама. Мы все делали вдвоем.

— Джейд и Вики... Всегда вместе — не разлей вода. Вики была милой девочкой, — говорит папа со слезами на глазах.

— Ну, мы все знаем, что она тебе нравилась, — фыркает мама и поворачивается к миссис Кембридж: — Хотите кофе? У нас есть молотый и растворимый. Может быть, чаю?

— Спасибо. Чашечку растворимого кофе, пожалуйста. — Миссис Кембридж смотрит на меня: — Завари нам, пожалуйста, кофе, Джейд.

Вижу, маму это раздражает.

— Свари нам кофе в кофеварке. Ты умеешь ее включать? Возьми красивые чашки и открой пачку печенья. Не бери старое из коробки!

Я киваю, но не слушаю маму. Миссис Кембридж не хочет кофе — ей надо выдворить меня из комнаты, чтобы они могли спокойно поговорить.

Стою в кухне и пытаюсь не греметь чашками. Слышу приглушенные голоса, но не могу ничего разобрать — они плотно прикрыли дверь. Подумаешь, мне все равно! Опускаю палец в сахарницу и облизываю. Вспоминаю маму Вики в день похорон. Я ее с тех пор не видела. Кто-то сказал, они уехали за границу, в Италию.

— Ну-ка, дай лизнуть! — Вики стоит рядом со мной в ожидании своей очереди. — Здорово, правда? Всегда мечтала поехать в Италию, но родители говорили, что им там не нравится — слишком жарко, и они не любят пасту. Стоило мне умереть — куда они отправились? В Италию. Несправедливо!

— Вряд ли они там веселятся.

— Только на то и надеюсь! — возмущается Вики.

— Хочешь, чтобы они чувствовали себя несчастными?

— Конечно!

— Всегда?

— Ну, да!

Я сглатываю:

— А я?

— Конечно-преконечно!

— Ну, это же несправедливо!

— Несправедливо, что меня убили, да?

— Знаю, но...

— Тебе нельзя быть без меня счастливой. Это приказ. Я должна подчиниться.

— Эй! — Вики вглядывается мне в лицо. — Что это у нас губки дрожат? Я в этом не виновата. Ты не можешь без меня обойтись. Мы с детства были вместе, Вики и Джейд, поэтому мы никогда не расстанемся, Вики-Призрак и чокнутая Джейд. Миссис Кембридж пришла к твоим родителям, потому что все в школе считают, что у тебя совсем крыша поехала.

Она права. Когда я, гремя чашками, вхожу в гостиную, разговор прерывается. Миссис Кембридж волнуется. Мама в ярости, хотя аккуратно, как помаду, наносит на лицо вымученную светскую улыбку.

Папа выглядит растерянным.

— Послушай, Джейд, миссис Кембридж считает, что в школе у тебя проблемы, — говорит он и первым берет чашку с кофе.

— Я этого не говорила, мистер Маршалл! — протестует миссис Кембридж.

— Тед! Нужно сначала предложить кофе миссис Кембридж!

— Ох! Простите! — говорит папа и, отхлебнув из своей чашки, передает ее учительнице.

— Ничего, ничего. Дайте мне другую. Я не говорила, что у Джейд проблемы. Я сказала, ее поведение свидетельствует о том, что она перенесла тяжелую моральную травму. Было бы странно ожидать чего-либо другого, — бормочет она и, пытаясь исправить ситуацию, дружелюбно кивает мне головой.

— Она говорит, ты переживаешь и ни с кем не разговариваешь, — вступает в разговор мама. — Я знала, нет ничего хорошего в дружбе с Вики. Разве я не советовала тебе завести других друзей?

— Мне не нужны новые друзья.

— Если ты не изменишь своего поведения, у тебя их и не будет.

— Многие хотят подружиться с Джейд, — вставляет миссис Кембридж.

— Только неудачники — Толстый Сэм и Зефирина Мадлен, — кричит Вики из кухни.

Я вздрагиваю при звуке ее голоса. Миссис Кембридж и мама с папой смотрят на меня во все глаза.

— Что с тобой? Почему ты дергаешься? Ведешь себя как... — Она не может закончить фразу, вздыхает и смотрит на миссис Кембридж: — Значит, и в школе Джейд странно себя ведет.

Миссис Кембридж старается подыскать нужные слова:

— Ну, Джейд, иногда ты действительно выглядишь точно... безумная.

Не стесняйтесь — повторите еще раз! А что мне делать, если Вики все время дурачится?!

Опять она за свое — уверенно входит в гостиную, крутится вокруг мамы, ласкается к папе, а потом садится на колени к миссис Кембридж и играет с ее волосами — пытается заплести их в косички. Меня душит смех, и я тихонько фыркаю.

— Прости, Джейд, меньше всего мне хотелось тебя расстраивать, — смущенно говорит миссис Кембридж.

Но мама подозрительно на меня поглядывает. Вики ее передразнивает. Я снова фыркаю.

— Прекрати, Джейд! — делает замечание мама.

— Да, возьми себя в руки, детка, — вторит ей папа. — Не придуривайся! Ты же не хочешь, чтобы миссис Кембридж подумала, что ты спятила.

— Вовсе я так не думаю, мистер Маршалл! Но я и мои коллеги уверены, что Джейд необходимо позаниматься с психологом.

— Она не нуждается в его услугах, — твердо отвечает папа.

— Я имею в виду не консультации психиатра, а занятия с квалифицированным специалистом-психологом, занимающимся коррекцией состояния подростка после тяжелой утраты.

— Не вижу в этом смысла, — заявляет мама. — Занятия ничего не изменят: Джейд не поможет, если она будет упиваться горем и жалеть себя.

— Консультация психолога может быть очень эффективной. В случае необходимости педагог придет к вам домой.

— А кто будет платить за занятия? Разве они бесплатные?

— Ну... — теряется миссис Кембридж.

Видно, что она сомневается. Потом поворачивается ко мне:

— Как ты думаешь, Джейд, тебе станет легче?

— Нет! Скажи «нет»! Скажи «нет», идиотка! — подзуживает Вики. Прозрачными руками она хватает меня за голову и пытается ею покачать.

— Нет, — покорно мямлю я.

— Не хочешь поговорить о своих переживаниях, рассказать, что тебя беспокоит, попробовать обсудить свое состояние? Ты вся измучилась, Джейд! — восклицает миссис Кембридж и берет меня за руку.

Я заливаюсь слезами.

— Ну вот, видите: она расстраивается от одной мысли о консультации!

Я цепляюсь за руку миссис Кембридж, как за соломинку.

— Джейд, походи возьми бумажный платок, — велит мама.

Отпускаю руку миссис Кембридж и иду за платком.

— Мы благодарны вам за заботу, миссис Кембридж, но Джейд не нуждается ни в консультациях, ни в лечении. Она всегда была мечтательной. Все будет хорошо, если она возьмет себя в руки. Джейд сама сказала — ей не нужны никакие консультации.

— Ни к чему ей переливание из пустого в порожнее, — вставляет папа.

Миссис Кембридж понимает — ей не удалось убедить родителей и преодолеть их упрямство. С ним трудно справиться — словно пытаться отковырнуть приставшую к подошве жвачку.

Она сдается:

— Если захочешь поговорить, Джейд, добро пожаловать в мой кабинет.

Мама провожает миссис Кембридж до двери и горячо благодарит, но, как только учительница уходит, дает волю эмоциям:

— За кого она нас принимает?! Вваливается ни с того ни с сего да еще воображает, будто я не знаю, как помочь собственной дочери!

Хоть в чем-то мама с папой солидарны:

— Ведет себя, точно наша Джейд умом тронулась! Сразу замолчала, как только мы спросили, кто будет платить! Можно подумать — у них дешевые консультации! Она считает — мы деньги печатаем? Да, кстати, мне пора на работу.

Но он останавливается и, как в детстве, неуклюже треплет меня по голове:

— Ты ведь справишься, правда, Джейд? Я знаю, ты расстроена. Из-за Вики мы все не можем прийти в себя. Но ведь ты не поддашься горю, да, детка?

— Да, папа, я постараюсь.

— Вот это другой разговор! — говорит он и, шаркая ногами, выходит из комнаты.

Когда папа возвращается в джинсах, в которых ходит на работу, он вытаскивает из заднего кармана кошелек и протягивает мне двадцать фунтов.

— Возьми! — Потом дает еще одну банкноту. — Купи себе что-нибудь для поднятия настроения.

— Спасибо, папа.

— А я думала, мы скоро по миру пойдем. Ты же сказал, у тебе нет наличных, когда я просила денег, чтобы оплатить счет за газеты.

—

— Чаще всего он не замечает, дома ты или нет, — с горечью говорит мама.

Я предлагаю ей одну банкноту.

— Нет, нет, это твои деньги, Джейд. Не думай, мне их на тебя не жалко. Дело в твоём папе.

Она замолкает и сидит с каменным лицом. Потом встряхивает головой и улыбается:

— Вот что я тебе скажу: давай пойдем куда-нибудь в субботу, только ты и я!

Не знаю, что ответить. До чего же странно! Всегда хотела куда-нибудь ходить с мамой и мечтала, чтобы папа давал мне деньги на угощения — как родители Вики. Мои никогда об этом не думали, и вот сейчас...

— Например, съездим в Лондон, — предлагает мама. — Побродим по магазинам, попьём кофейку, съедим по пирожному. Устроим себе девичник, ладно? Ты ведь этого хочешь, да? Ты сто лет не была в Лондоне!

Не говорить же ей, что совсем недавно я совершила тайную прогулку по лондонским магазинам. Не думаю, что захочу снова там побывать с мамой. С другой стороны — почему бы и нет?

Надувшись на меня, Вики улетает, и мы с мамой едем на поезде. Обе уткнулись в гляцевый журнал и смеемся над некоторыми ценами на одежду, рассматриваем новые

оттенки лака для ногтей, нюхаем образцы духов. Мама критикует девушек-моделей за их удобу.

— Ты скоро сама станешь, как они, Джейд. Только посмотри на себя! — говорит она и берет меня за запястье. — Тонкое, как спичка. Вот-вот переломится. Тебе нужно поправиться. Идем пить кофе и съедаем по два пирожных. Потом мама покупает коробку бельгийских шоколадных конфет. Мы жадно на них набрасываемся, и вскоре губы становятся коричневого цвета, словно их покрасили шоколадной губной помадой.

Я трачу папины сорок фунтов на два топа — один в цветочек с пышными рукавами, а второй — укороченный, черный, обтягивающий и очень сексуальный. Казалось, мама разворчится по поводу черного, но она лишь улыбается:

— Ты повзрослела. Подумать только — была тихоня тихоней... Скоро ты нас всех удивишь! Тебе можно ходить с открытым животом — он плоский, как оладушек, — смеется она. — Не представляю, что скажет папа. Ты же его знаешь!

Мама медлит:

— Джейд, мы с папой... У нас не все гладко.

Я киваю. Мне не хочется слушать. Лучше продолжить девичник.

— Может, не стоит все это тебе рассказывать...

И не рассказывай!

— У меня на работе есть отличный парень, Стив...

Больше не надо ничего говорить! Она произносит его имя, словно смакует шоколадку.

— Стив... — вздыхает мама. — Может, ни к чему хорошему это не приведет. Он немного младше меня... Ловелас... Ну, я хочу сказать, если... Честное слово, Джейд! Никогда раньше не испытывала ничего подобного. Если нам дадут шанс...

— Ты уйдешь от папы?

— Ты не будешь меня винить? У нас с папой жизнь никогда не складывалась. Я влюблялась в других мужчин, а они меня бросали. Пришлось сойтись с твоим папой — он сразу позвал меня замуж, как только узнал, что должна появиться ты. Сначала все было нормально, хотя я никогда его не любила. Потом он потерял работу, ну, а сейчас...

— Да, но... — Мне становится страшно.

Вдруг я узнаю такое...

— Ты ведь никогда его сильно не любила, и он никогда тобою не занимался.

Я пожимаю плечами, не желая признаться, что она права.

— Тебе понравится Стив. Он очень веселый. Жду не дождусь, когда вы познакомитесь. Я ему столько о тебе рассказывала! Думаю, он решит, что ты немного моложе своих лет... В общем, пока рано волноваться. Может, ничего и не получится, но если я решу уйти от папы, то хочу, чтобы ты знала, — будешь жить с нами. Запомни: я тебя никогда не брошу.

— Где мы будем жить?

— Ну, это еще предстоит уладить. У Стива есть небольшая квартира-студия. Увидишь, мы что-нибудь придумаем. Понимаешь, нет смысла обсуждать детали, когда еще ничего не решено.

Я все вижу.

Вижу, как мама и Стив противно обнимаются в квартире-студии.

Только меня рядом с ними нет.

Вижу, как папа лежит на диване в нашей квартире, и с каждым днем его все больше клонит в сон.

Меня рядом с ним тоже нет.

Для меня нет места. Никого у меня нет. Закрываю глаза и вспоминаю наши планы на будущее — мы с Вики, окончив школу, снимаем квартиру, повсюду ходим вдвоем...

— А мы и будем вместе...

Я не открываю глаз. Незачем. Вики рядом. Чувствую ее призрачное дыхание. Золотисто-рыжие волосы щекочут мне плечи, а руки, точно паутиной, опутывают шею.

Теперь она никогда не оставляет меня одну. Просыпаюсь — Вики рядом. Хочу потянуться — рука проскальзывает сквозь нее. Она смеется мне в лицо, когда я чищу зубы. Пристраивается на краю ванны и болтает... Преследует меня в туалете... Смотрит, как я одеваюсь, и дразнит своими нарядами — ей-то не надо день за днем носить одну и ту же затрапезную одежду. Набрасывается на мою еду, хотя ее зубы никогда не оставляют следов. Идет со мной в школу, трещит без умолку и требует ответов на свои вопросы. Мне бы хотелось иногда обходить стороной ее цветы, но меня заставляют ими любоваться и не разрешают пользоваться задним входом. Вики обожает разглядывать свои букеты. Со дня ее смерти цветы постепенно превратились в темную кашу, и их пришлось убрать, но сейчас на тротуаре полно новых. Все плюшевые мишки, фотографии и письма тоже на месте, только после нескольких дождливых дней немного пожелтели и скукожились. Есть и новые подношения — огромный венок из искусственных цветов от работников школьной столовой, пластмассовая святая и коллекция глиняных горшочков из изостудии. На каждом горшочке нарисована одиноко склонившаяся маленькая анютина глазка.

— Зачем столько анютиных глазок? — спрашивает Вики.

— Эти цветы являются символом сердца. Ребята хотят сказать, что никогда тебя не забудут.

— А что, скажи на милость, значат искусственные тюльпаны?

— Не знаю. В столовой тебя оплакивают. Не злись.

— Меня там терпеть не могли, особенно повариха. Помнишь, назвала меня мадам Зануда, когда я не захотела есть пиццу с сухими, загнутыми краями и попросила себе другой кусок?

— Недавно эта женщина сильно из-за тебя разволновалась и чуть не расплакалась, когда подавала мне обед.

— Жаль, она не может метнуть в мою сторону несколько свежих кусочков пиццы, покрытых толстым слоем сыра. На небесах мне не хватает земных удовольствий. Скучно без еды! Что это за святая под накидкой? Дева Мария?

— Богоматерь обычно изображают с розами. Возможно, одна из дев, умерших в юности, — святая Доротея, святая Варвара или святая Тереза.

— Как мне не повезло! Несправедливо! Всегда мечтала узнать, что такое секс. Нужно было больше позволить Райану, когда мы с ним целовались на рождественской вечеринке. Ну, ладно, тебе придется все испытать вместо меня, Джейд.

— Нет уж, спасибо! Делать мне больше нечего! Да и вряд ли я кому-нибудь понравлюсь!

— Ну, ты всегда можешь опереться на Толстого Сэма. Только не позволяй ему опираться на себя, а то он тебя раздавит. Моя смерть, по крайней мере, была трагической, а твоя будет ужасно смешной.

— Не понимаю, чем тебе Сэм не угодил?

— Толстяк несчастный!

— Он без ума от тебя.

— Да ладно! Хочешь мне польстить?

— Вики, кажется, он единственный человек, который понимает, кем мы были друг для друга.

— А нам не надо, чтобы нас понимали. В следующий раз, когда увидишь, что он ковыляет в нашу сторону, гони его в шею!

Сэма не приходится отпугивать — он и так держится на расстоянии. Даже по пятницам, когда мы занимаемся бегом.

Скучно бежать одной. Мистер Лорример по-прежнему добр ко мне, но кажется, я ему больше не нравлюсь. Он разочаровался, когда узнал о моей вредности.

Сама себе противна.

В эту пятницу мистер Лорример сажает нас в школьный автобус и везет в Фэрвуд-парк. Мы бегаем сорок минут по велосипедной дорожке, потом несемся на холм, кружим вокруг ручья и возвращаемся на автостоянку.

Ну, скажем, некоторые действительно бегают. Впереди мчатся по-настоящему спортивные парни, следом — девичьи из школьной команды, за ними — середняки, потом отстающие... ну а последней... с большим разрывом... тащусь я. Лицо красное, дыхания не хватает, а за мной — на расстоянии десяти шагов — ковыляет Сэм.

Я останавливаюсь — он остановится. Никогда не вырвется вперед, лишь сопит у меня за спиной да топает своими кроссовками. Неожиданно раздается сильный грохот. Слышу: рядом кто-то тяжело дышит. Делать нечего, нужно оглянуться.

Сэм споткнулся о корень дерева и лежит на земле, как большая серая жаба: руки в боки, а ноги согнуты. Вики хохочет. Я тоже хихикаю. Сэм смотрит на меня розовыми подслеповатыми глазами — очки съехали набок и висят на одном ухе. Мне неловко.

Отталкиваю Вики и подбегаю к нему:

— Сэм, прости, я не над тобой смеялась!

— Потешайся сколько душе угодно! — бурчит он, уткнувшись головой в траву.

— Тебе больно?

— Нет, я тут лежу, потому что решил вздремнуть.

— Ой, Сэм!

Его ноги как-то странно вывернуты и похожи на лягушачьи лапки. Может, он их сломал?

Встаю на колени и осторожно растираю их через спортивный костюм. Вдруг Сэм напрягается и дрожит. Он что, плачет? Нет, хохочет!

— Что здесь смешного?

— Ой, щекотно! Что ты делаешь? Ты меня лапаешь?

Я отдергиваю руки, как от раскаленной печки:

— Конечно нет! Я проверяла, не сломал ли ты чего-нибудь.

— Кости целы, лишь мое сердце разбито! — бурчит Сэм, встает на колени и притворно стонет.

— Ты уверен, что у тебя все кости на месте?

— Ага! — Он тяжело поднимается. — Вот как можно на счет «пять» сделать из себя круглого идиота. — Он гладит себя по большому животу. — К сожалению, я еще не превратился в супермена.

— Но бег определенно пошел тебе на пользу. И мне тоже.

— Ага! Можно подумать, тебе надо худеть, Джейд!

— Нам обоим нужно поддерживать форму.

— А тебе... помогает? — деликатно спрашивает Сэм.

— Совсем нет.

— Ну... — Сэм делает жест рукой. — Только после вас. Не волнуйся. Я не буду тебя преследовать. Если споткнусь, не обращай внимания. Но если на обратном пути застанешь меня в коматозном состоянии, ткни под ребра.

— Нет, лучше сяду тебе на пузо и буду думать, что ты скамейка для пикника. Хватит, Сэм! Побежали вместе! Прости, что я вела себя как свинтус.

— Ладно, кто старое помянет... Я ведь представляю...

— Кажется, все понимают, а мне от этого еще хуже. По-моему, не одна я не могу забыть Вики. Ты ведь тоже был от нее без ума, Сэм.

Он на меня уставился.

— Я вовсе не по ней схожу с ума! — воскликнул он.

меня

— Неужели ты ничего не замечала? — пыхтит он.

— Это потому, что больше нет Вики — вот ты на меня и переключился.

— Нет, Вики никогда мне не нравилась. Меня возмущало, что она тобой командует.

— Она не командовала... Нет, командовала, но я ничего не имела против.

Знаю, Вики следит за мной и подслушивает, и потом разозлится. Когда бегу с Сэмом, решение приходит само — не стану сильно переживать. Зато дома... Жду, когда она прилетит, и трясусь от страха. Боюсь, Вики вернется. Пугаюсь, что этого не произойдет. Она прячется, пока я не засну, а потом начинает кричать. В ужасе просыпаюсь и убеждаю себя, что это только сон. Но, к сожалению, я не сплю — Вики умерла, и в ее смерти виновата я...

— Ты похожа на маленького призрака, Джейд, — замечает утром мама, а Вики громко хохочет.

Наверное, я выгляжу ужасно, потому что миссис Кембридж подходит ко мне в коридоре и спрашивает, не заболела ли я.

— Нет, все нормально, миссис Кембридж, — отвечаю я, пытаюсь прошмыгнуть мимо.

— Нет, подожди минутку, Джейд. Приходи в библиотеку сразу после обеда, в двенадцать тридцать.

— Но нам не разрешают в это время ходить в библиотеку, миссис Кембридж.

— Правильно, без специального разрешения нельзя, а я тебя приглашаю. Ровно в двенадцать тридцать, хорошо?

Приплетаюсь в библиотеку только без двадцати час. Не потому, что меня задержали в столовой, — я забыла про обед. Просто сейчас невозможно никуда прийти вовремя. Словно время потеряло значение. Часто трудно отличить утро от вечера. Пять минут растягиваются на целую вечность, а пять часов пролетают в одно мгновение.

Миссис Кембридж ждет в библиотеке вместе с пожилой женщиной. Интересно, это новая учительница? Серые волосы неопрятно выбиваются из-под черепаховой заколки. На ней мешковатые брюки в цветочек, которые любят носить молодящиеся бабушки, и простая серая блузка с топорщащимся белым воротником. А, поняла!

Хочу удрать, но миссис Кембридж видит меня сквозь стеклянную дверь и вскакивает со стула. Приходится зайти в библиотеку.

— Вот ты где, Джейд. Я уже собиралась послать за тобой отряд из службы спасения.

Познакомься, это миссис Уэйнрайт.

— Вы викарий?

Она смеется:

— Нет, я только учусь, Джейд. В настоящий момент у меня статус священника.

— Может быть, ты видела миссис Уэйнрайт в торговом центре «Лейклендз», — говорит миссис Кембридж.

Я оторопело на них смотрю. Образ миссис Уэйнрайт никак не вяжется с модными бутиками.

— Можно сказать, я там работаю. Люди приходят в торговый центр, как в храм. В церковных приходах народу мало — какой-нибудь десяток набожных старушек. Вот я и брожу по торговому центру и ищу тех, кому нужно с кем-нибудь поговорить.

— А сейчас миссис Уэйнрайт пришла сюда, чтобы пообщаться с тобой, Джейд. Ну, я побежала, у меня дежурство на спортивной площадке. Пока, Стиви.

Значит, они подруги. Не могу в это поверить. Может быть, миссис Уэйнрайт собирается со мной помолиться?

— О господи! Мне неудобно...

— Не переживай — мне тоже не по себе, — говорит миссис Уэйнрайт. — Ты первая вспомнила о Боге, Джейд, а не я. Не ходишь в церковь?

— Нет.

— Расслабься — я не собираюсь обращать тебя в свою веру. Хотя, если захочешь прийти в церковь, добро пожаловать! Нет, Анна — миссис Кембридж — попросила меня зайти в школу, потому что знает, что я вела курс по реабилитации после тяжелой утраты.

— А!

— Бедняжка! Ты что испугалась, точно я зубной врач? Не собираюсь я сверлить тебе душу! Давай просто поговорим. Сначала будет трудно, а потом все встанет на свои места.

— Послушайте, вы очень любезны, но...

— Но ты чувствуешь, что это не мое дело.

— Ну, это грубо!

— И тебе кажется, что мне трудно разобраться в твоих проблемах. Стою я здесь, толстая бабушка-святоша в брюках в цветочек, словно нет у меня других забот... Что я понимаю?

Слушай, Джейд, не знаю, что для тебя утрата, но для меня она...

Я в изумлении на нее смотрю.

— Я потеряла ребенка, несколько детей — у меня были выкидыши. Но потом я родила девочку, самую очаровательную на свете. Ее звали Джессика. Хочешь посмотреть ее фотографию?

Она достает кошелек и показывает мне снимок кудрявой малышки в полосатом комбинезоне.

— Симпатичная.

— Очень милая. Все так думали — не только ее ненормальные мама с папой. Но вдруг она заболела. Лейкемией. Сейчас эту болезнь умеют лечить. Но никто не смог помочь нашей

Джесс. Она умерла, когда ей было пять лет.

Миссис Уэйнрайт говорит это обычным голосом, словно читает прогноз погоды, но у нее блестят глаза и по щекам катятся слезы.

Я отвожу взгляд.

— Всегда плачу, когда говорю о ней, — объясняет она, снимая очки и вытирая их о серую блузку. — Ты много плакала, Джейд?

— Я почти не плачу.

— Слезы могут помочь.

Она сморкается в бумажную салфетку, а не в блузку и снова надевает очки.

— Слезы нужны, чтобы избавиться от токсинов. Когда переживаешь, ужасно себя чувствуешь, да? Слезы лечат. Проводилось специальное исследование. Не спрашивай, как они это делают. Вряд ли во время истерики тебе захочется подносить к глазам пробирки. Во всяком случае, химический состав слез, пролитых в период несчастья, отличается от тех, которые появляются на глазах, если в них попала соринка.

Она внимательно на меня смотрит:

— Тебе кажется, я несу чепуху?

Я отрицательно мотаю головой:

— А у вас были другие дети после Джессики?

На этот раз она печально вздыхает и грустно говорит:

— Нет, я пыталась, но у меня не получилось. Поэтому я решила попробовать помогать другим. И знаешь, мне самой это оказалось полезным.

— Но Джессика не вернулась.

— Нет, мне до сих пор очень горько. Бывают дни, когда не хочется вставать с постели, но после горячей ванны и порции мюсли я оживаю и готова встретить новый день. Не верю, что горевать нужно на пустой желудок. — Она гладит себя по цветастому холмику на животе. — Мне кажется, Джейд, тебе не повредит и целая бочка мюсли. Ты что, детка, вообще не можешь есть?

— Не хочется.

— А шоколадные конфеты? А мороженое? Нужно чаще баловать себя сладким. Когда тошнит при виде тарелки мяса с овощами, очень помогает еда из «Макдоналдса».

Наверное, мама заставляет тебя есть, да?

— Да, но... знаете, это может показаться странным... Мне трудно глотать, точно горло болит.

— Ну, проблемы с глотанием никого не удивляют, моя хорошая. Разве ты не слышала выражение «ком в горле»? Когда переживаешь, многое в организме выходит из строя. Тебе не хватает дыхания, все время тошнит, иногда начинает болеть живот, колет в груди, может даже случиться сердечный приступ... Наверное, ты часто устаешь. Переживания — тяжелый труд.

Прислоняюсь к ней — будто гора с плеч сваливается, но последние силы меня покидают.

— Значит, и другие люди испытывают то же самое?

—

— Когда Джессика умерла...

— Что ты хочешь спросить?

— Вы разговаривали?..

— Постоянно. Я до сих пор с ней болтаю, хотя в голове возникает путаница — сейчас вы почти ровесники, а я продолжаю относиться к ней, как к пятилетней малышке.

— И вам казалось... она жива?

— Да, особенно на первых порах. Меня постоянно мучила мысль, что, если я вовремя к ней подбегу, она будет сидеть, поджав ноги на коврик, и играть с куклами Барби. Прошли годы, прежде чем я заставила себя хоть что-то изменить в ее комнате.

— Но вы ее не видели?

— Думала, что вижу, — в магазинах, в автобусе, даже по телевизору. Если где-то мелькала копна кудряшек, белели худенькие локотки или бросался в глаза смешной комбинезон, сердце буквально переворачивалось, и я была уверена, что наконец-то это Джесс. Обычное явление — отчаянно ищешь того, кого потерял. Но рано или поздно понимаешь — поиски бесполезны. Ушедшие от нас никогда не вернуться.

Миссис Уэйнрайт смотрит мне прямо в глаза:

— Вики не воротишь, Джейд.

Как бы не так — она изо всех сил пытается вернуться!

— Первая задача, которую надо решить, моя хорошая, — это принять смерть Вики. Тебе очень трудно, потому что она умерла неожиданно.

Не то что трудно — не по силам! Вики медленно входит в комнату и садится рядом с ней. Я ее так же хорошо вижу, как розы на брюках миссис Уэйнрайт.

Мама очень добра ко мне: готовит вкусные блюда, придумывает сюрпризы, разрешает сделать новую стрижку, дарит специальный набор для ногтей, чтобы на месте моих коротких выросли искусственные с красивыми рисунками. Да еще в ноготь большого пальца мне вдели маленькое колечко.

Мне нравится и стрижка и ногти, только я не чувствую, что они мои. Каждые пять секунд я убираю с глаз челку и без конца трогаю ногти, пока те не отваливаются.

— Оставь в покое челку и ногти! — ругается мама.

Потом ей становится неловко, она приносит стакан горячего шоколада и кусок бисквитного торта, покрытого сахарной глазурью. Она его сама испекла по тому же рецепту, как на мой день рождения. Перед глазами встают наши вечеринки. Сахарная глазурь прилипает к зубам, когда я вспоминаю, как Вики старалась сама погасить свечи на моем торте, чтобы я не успела загадать желание.

— Ты что, плачешь? — спрашивает Вики. — А я нет, хотя у меня никогда не будет дня рождения.

— Съешь еще кусочек! Будь умницей! — просит мама.

— Придумала! — вдруг говорит Вики. — Она приставляет пальцы к голове, как рога. — Может, попробовать спуститься в преисподнюю?

— Туда тебе и надо! — отвечаю я.

У меня от нее одни неприятности. По-прежнему учусь кое-как. Некоторым учителям все равно. Другие смущенно читают мне нотации:

«Принимая во внимание твои обстоятельства... Знаю, тебе сейчас нелегко. Старайся как можешь».

Я и стараюсь — хуже некуда. Они вздыхают, но не ругают меня по-настоящему. Из всех учителей только миссис Кембридж на меня сердится:

— Опять не сдала домашнюю работу, Джейд?

— Да... ну... я старалась, но никак не могу сосредоточиться, — говорю я тоненьким печальным голоском.

С другими учителями это срабатывает. Только не с миссис Кембридж.

— Ты мне зубы не заговаривай! Даже не прикасалась к учебнику! Если бы ты сдала мне работу с ошибками или все выполнила неправильно, я бы подготовила для тебя дополнительные упражнения. Но ты палец о палец не ударила и вообще ничего не делала!

— Вы же знаете, как мне трудно, миссис Кембридж, — ною я.

— Ты начинаешь пользоваться своим положением. Понимаю, как ты несчастна и как скучаешь по Вики. Может быть, тебе помогут беседы со Стиви Уэйнрайт? Все равно нужно работать, а то совсем отстанешь.

— Не знаю, для чего мне учиться.

— Чтобы сдать экзамены, найти интересную работу, жить полной жизнью!

— Да, а некоторые вынуждены влачить жалкое существование после смерти! — кричит Вики. — Отцепись, глупая училка! Оставь нас с Джейд в покое! Ты ничего не понимаешь! Я вынуждена прикрыть губы рукой, чтобы вдруг не произнести вслух слова Вики. Мне не всегда это удается. Я грубо разговариваю с бедной Мадлен и Дженни, когда слышу, что они

болтают с Вики-2, только из-за того, что ту тоже зовут Вики.

моя Вики

Девчонки замирают от изумления. Может, у меня крыша поехала? Наверное, они правы. С каждым днем я становлюсь все противнее.

Не хочу оставаться в школе. Не могу сидеть за партой. (В буквальном смысле.) Из-за ерзанья тощая попа покрывается синяками. Постоянно тянусь, зеваю, чешусь, не нахожу себе места и никак не дождусь пятницы, когда можно пойти побегать.

Мне по-прежнему скучно, но понемногу я втягиваюсь, хотя нельзя сказать, что у меня талант. До сих пор бегаю хуже всех, кроме Сэма. Правда сейчас сумею пробежать гораздо больше. Иногда удается держать голову прямо, распрямить плечи и войти в ритм. Конечно, часто бывает тяжело, но не так, как раньше.

— Молодец, Джейд! — подбадривает мистер Лорример, когда бежит рядом со мной. — Ты теперь ходишь гораздо быстрее. Отлично держишься! Прогресс налицо!

Он словно забыл, как я обижала Сэма, который рядом грохочет кроссовками.

— А я, мистер Лорример? Ну, обо мне не скажешь, что я на пути к успеху, как Джейд. Пока все больше шатаюсь да спотыкаюсь.

— Ты тоже молодец, Сэм. Сейчас, парень, ты совсем в другой форме.

Сэм хрипло хохочет и останавливается, чтобы перевести дух.

— Ага! Конечно! Чем не Сильвестр Сталлоне, — говорит он и тыкает себя большим пальцем в толстый живот — он уже не такой рыхлый, как раньше.

Сэм слегка похудел.

— Смотрите, Джейд не может отвести от меня взгляда! Она мечтает дотронуться до моего гибкого и стройного тела!

— Ха-ха! — отвечаю я и улыбаюсь ему.

— Что, ребята, помирились? — спрашивает мистер Лорример.

— Вы шутите? Думаете, почему она бежит быстрее? Чтобы от меня удрать! Да, Джейд?

— Угадал! — говорю я.

Но когда мистер Лорример нас обгоняет, я замедляю темп, чтобы мы с Сэмом могли бежать вместе. Вики, конечно, не отстает ни на шаг и продолжает отпускать грубые шуточки в его адрес. Она хочет, чтобы я их произнесла вслух. Приходится выдерживать настоящий бой — мне трудно сконцентрироваться на том, что говорит Сэм. Время от времени он внимательно смотрит на меня и, кажется, понимает, что со мной происходит.

— Извини, что ты сказал? — спрашиваю я.

— Ничего, — нежно говорит он.

— Просто... я не всегда могу... часто думаю...

— Все нормально, — успокаивает он.

— Это ты нормальный, Сэм.

Вики издает неприличные звуки, словно ее тошнит, и превращает мою жизнь в сплошной кошмар, отказываясь оставить меня в покое.

Она кружится по комнате, когда я сижу с миссис Уэйнрайт, и мне трудно с той поговорить как следует. Я дергаюсь и ерзаю, когда Вики толкается, щиплется или высовывает язык.

— Извините, — грустно говорю я. — Хочу сидеть спокойно, но не могу.

— Мне кажется, ты совсем измучилась, потому что продолжаешь искать Вики и не в силах признаться себе в том, что та давно умерла, — мягко говорит миссис Уэйнрайт.

Может быть, Вики и умерла, но отказывается уходить.

— Не могу не думать о ней, — жалуясь я.

— И это правильно! — восклицает Вики и одобрительно кивает головой.

— Безусловно, не можешь! Это вполне естественно для твоего состояния, — сочувствует мне миссис Уэйнрайт.

—

— Вы ничего не знаете обо мне и Вики. Мы не часть какого-то там процесса. Мы как две капли воды! А вас послушать — со скуки помрешь!

В ужасе прикрываю рот ладонью... Неужели я могла так нагрубить старшему?!

— Простите, я не хотела.

— Ничего, ничего, Джейд!

— Не хочу быть грубой! Это Вики во мне говорит! Хочет, чтобы я делала то, что она! — рыдаю я.

— Ах ты, ябеда! — злится Вики и хватает меня за нос своими прозрачными пальцами.

— Может быть, ты иногда копируешь Вики, чтобы быть к ней ближе? — спрашивает миссис Уэйнрайт.

— Нет, ты делаешь все, как я, потому что я лучше, красивее, смешнее, — распевает Вики.

— Ты вреднее, — бормочу я.

— А могу быть еще хуже. Это только цветочки... Я не мучаю тебя воспоминаниями. Ну, начнем, Джейд? Помнишь, мы шли из школы и...

— Нет, — перебиваю я Вики и затыкаю уши.

— Что с тобой, Джейд? — спрашивает, обнимая меня, миссис Уэйнрайт.

— Я переживаю из-за смерти Вики, потому что...

— Скажи!

— Не могу!

— Ладно, малышка. Потом поговорим. В другой раз. Только не надо чувствовать себя виноватой, как будто она умерла из-за тебя. Все через это проходят, даже если на самом деле было иначе.

Нет, я не согласна, да и Вики показывает на меня пальцем и стонет:

— Виновата, виновата, виновата!

— Джейд? — миссис Уэйнрайт тихонько поднимает меня на ноги. — Сеанс окончен. У тебя есть фотографии Вики? Я хочу, чтобы ты принесла их на следующее занятие.

Часами роюсь в альбомах, пытаюсь выбрать нужный снимок. У меня даже есть фотографии маленькой Вики — с одной весело улыбается крохотная голышка, а с другой — очаровательная девчушка в купальнике и уморительными косичками. Я стащила их из шкапулки ее мамы, потому что Вики на них — просто прелесть!

У меня есть кучи фотографий, снятых в начальной школе во время поездок в Лондон и в Леголенд. Однажды мы были на замечательной экскурсии в Диснейленде в Париже. Вики великолепно получилась в маске Микки-Мауса. Трудно рассматривать последние снимки —

грустно разбирать улыбающихся Вики.

— Хватит рыдать над фотографиями, идиотка! Долго ты будешь реветь? Это мне нужно плакать, а не тебе. Ты-то сможешь заполнить огромный альбом новыми фотографиями, но меня там вообще не будет. Ни одного кадра! Эй, почему никто не снял меня в гробу?! Разве я плохо выглядела?! Ха!

Она ложится на пол и имитирует собственную смерть — руки сложены на груди, глаза закрыты, спокойное одухотворенное лицо...

— Не надо, Вики! — прошу я.

Она не обращает на меня внимания.

— Прекрати! Не могу на тебя смотреть! Пожалуйста, встань!

Пытаюсь потрясти ее за плечи, но пальцы с них соскальзывают.

— Ты меня пугаешь!

Широко открыв глаза и рот, Вики садится и хвастается двумя новыми передними зубами. Вдруг она набрасывается на меня.

— Ну, а теперь не страшно?! — визжит она. — Ах, какие клыки! У меня во рту пересохло. Пить! Хочу крови!

Из воздуха появляется кружка, в которой бурлит красная пенная жидкость.

— Наконец-то! Твое здоровье!

Вики поднимает кружку и, громко хлюпая, жадно выпивает ее содержимое. Вампирские клыки стучат о стекло.

— Фу!

— Что бы ты понимала! — говорит Вики, вытирая с губ алые струйки тыльной стороной ладони. — Почему кровь холодная? Я люблю тепленькую, свеженькую!

Она откидывает голову и вдруг со всего размаха впивается мне в горло.

Я вскрикиваю, хотя клыки ненастоящие и ей не проткнуть мне шею.

— Джейд? Что с тобой?

О господи! Я разбудила папу.

— Все нормально! — отзываюсь я.

— Ты кричала...

— Нет, просто... что-то упало, вот и все.

— Что ты уронила?

Папа входит в комнату и видит меня среди разложенных на полу фотографий.

— Ох, Джейд, — говорит он и качает головой.

— Пожалуйста, неходи ко мне в комнату без стука!

— Прости, я о тебе беспокоюсь.

— Сказала же, все нормально.

— Нет, — говорит папа и садится рядом со мной на корточки.

Он берет одну фотографию за другой и смотрит на глянцевых Вики.

— Она была очаровательной девочкой, — говорит папа хриплым голосом.

Не могу смотреть, как он над ними умиляется. Выхватываю фотографии у него из рук. Из-за спешки некоторые снимки мнутся.

— Эй, эй! Не буду ничего трогать, — говорит он, подняв руки вверх, словно на него наставили пистолет.

Он делает вид, что дурачится, но на глазах появляются слезы.

— Джейд, детка, почему ты нахохлилась, словно я глажу тебя против шерсти?

Опускаю глаза:

— Да нет, папа.

На самом деле он прав. Даже то, как он говорит «детка», заставляет меня от злости стиснуть зубы.

— Не думай, что только ты меня расстраиваешь. Твоя мама... Она странно себя ведет...

О боже! Пожалуйста, папа, ни о чем меня не спрашивай!

— Ты не знаешь, что с ней происходит, Джейд?

Не поднимая головы, я пожимаю плечами.

— Она делает вид, что меня не замечает, или вовсе обходит стороной, точно мусорную кучу. Пытаюсь ее обнять — она морщится. Я ничего плохого не делаю, стараюсь быть хорошим мужем, добрым отцом. — Он качает головой и тяжело вздыхает от жалости к себе.

Мне бы следовало ему посочувствовать — он действительно выглядит несчастным. Не думаю, что в этом есть его вина. Он мой папа.

Протягиваю руку, чтобы погладить его по плечу, а он думает, я хочу его обнять, и прижимает к себе:

— Джейд, ты же любишь своего папу, да?

Не могу выдавить из себя ни слова.

— Папа! — бормочу я и вырываюсь из его объятий.

— Холодная, как рыба, такая же, как мать, — набрасывается на меня папа. — Странный ребенок!

Поднимает с пола фотографию: Вики стоит на морском берегу и нагло улыбается, ветер задирает ей юбку и треплет великолепные волосы.

— Малышка Вики... Сколько в ней было жизни! — говорит папа.

Он подносит фотографию к лицу, словно собирается ее поцеловать, но, передумав, выпускает из рук, и она падает. Даже не оглянувшись на меня, папа выходит из комнаты.

Беру бумажную салфетку и вытираю ею снимок. На нем ничего нет, но мне кажется, всюду остались отпечатки его влажных пальцев. Вики тоже отряхивается и корчит презрительную гримасу.

— Прости.

— Мне никогда не нравился твой папа.

— Мне тоже. Что делать, если мама уйдет из дома с новым другом? — шепчу я.

Если бы только я могла каждый день ходить домой к Вики и стать кем-то вроде их второй дочери. Я знала, что не нравлюсь ее маме, но та все равно приглашала меня на чай и на все семейные торжества. А папа Вики был всегда очень милым и любил повалять дурака. Когда мы были маленькими, он притворялся большим медведем и пугал нас в саду. При переходе из начальной школы в среднюю он стал относиться к нам по-взрослому, точно мы были кинозвездами.

Хочу снова стать членом их семьи.

Хочу, чтобы Вики была жива.

— Я здесь, — говорит она, когда я ложусь спать.

Она встает рядом со мной на колени и обнимает со всей нежностью, на какую только способна. Потом убаюкивает и обещает, что мы никогда не расстанемся.

Ночь тянется долго-долго, хотя Вики не выпускает меня из объятий.

Когда прихожу к миссис Уэйнрайт, она тоже меня обнимает:

— Джейд, у тебя сегодня был тяжелый день?

Вики терпеть не может, если ко мне прикасается кто-то другой. Я вырываюсь от миссис Уэйнрайт, а на самом деле мне хочется, чтобы меня взяли на руки, как маленького ребенка, и крепко к себе прижали.

— Ты не забыла фотографии?

— Я не знала, какую выбрать.

Раскладываю на столе несколько снимков.

Миссис Уэйнрайт знает — их нельзя трогать, и наблюдает, как я сортирую их по возрасту, будто карточную колоду. Она не комментирует снимки: не восхищается чудной малышкой, ее красивыми нарядами, не обращает внимания на потрясающую внешность взрослой Вики на последней фотографии.

Последняя фотография... Я сделала ее мыльницей во время одной из поездок в Лондон. Вики сама купила фотоаппарат — нащелкала несколько неудачных кадров со мной и уйму с мальчишками, которые от нее ни на шаг не отходили. Когда пленка почти закончилась, я выхватила мыльницу и сфотографировала ее. Вики мне что-то говорит, откидывая волосы назад, и смеется с кем-то из мальчишек. Да это же Сэм! Я и не замечала его раньше.

Сейчас он действительно похудел, а на фотографии похож на толстяка клоуна — работает на публику, выпячивая толстый живот, и никто не воспринимает его всерьез.

Кому это он улыбается, глядя прямо в объектив? Неужели мне?!

— Нет, мне! — визжит Вики.

— Джейд, как ты себя чувствуешь? Тебе плохо? Я знаю, это больно, но не отводи взгляда от Вики. Продолжай на нее смотреть.

Я так пристально на нее уставилась, что Вики, покачиваясь, медленно превращается в сплошное пятно.

— Ты ее запомнила именно такой?

Я недоуменно смотрю на миссис Уэйнрайт. Что она имеет в виду? Вики умерла всего несколько недель назад. Неужели думает, что я забыла, как она выглядит?

— Быть того не может! Ты меня знаешь лучше, чем себя, — говорит Вики.

Но когда я смотрю на фотографию, а потом на призрак Вики, то понимаю — они не совсем одинаковые. На фотографии Вики кажется проще — очень хорошенькая, нахальная (вы бы обязательно выделили ее из толпы), но все равно она похожа на обычную школьницу. Вики-Призрак — не от мира сего, бледная и дикая. Пытаюсь дать ей правильную оценку и снова представить, как бы она выглядела на фотографии, но у меня ничего не выходит.

— И не выйдет! — злорадствует Вики. — В последнее время я много пережила. Как ты знаешь, смерть человека не красит. Конечно, она сказала на моей внешности. Может

быть, попробовать измениться?

Она щелкает пальцами. Лицо тут же покрывается свежим слоем косметики. Щелк — и волосы укладываются в прическу. Снова щелк — и на ней те же джинсы и куртка, что и на фотографии.

— Вот! Смотри!

Но все равно Вики другая.

— Она... она слегка изменилась, — шепчу я.

Миссис Уэйнрайт кивает головой, словно все понимает.

— Я не хочу, чтобы она стала другой!

— Знаю, но ничего не поделаешь. Трудно сохранить образ умершего в первоначальном виде, даже если это человек, которого ты любишь. Память о нем зависит не от внешних, а от внутренних качеств. А теперь расскажи мне о Вики.

— Ну, вы же знаете. Она была моей лучшей подругой.

— Я и есть твоя лучшая подруга. Не путай глагольные формы! Ну-ка, поведай старой кошелке в цветочек, кем я для тебя была!

Говорю миссис Уэйнрайт о том, что Вики считалась самой популярной девочкой в школе, и все хотели с ней дружить. Вики-Призрак на заднем плане в это время прихорашивается.

— А почему Вики пользовалась популярностью?

— Она была хорошенькая, забавная, могла кого угодно рассмешить... и в два счета обвести вокруг пальца.

— Значит, она была сильной личностью?

— Да, она могла подчинить тебя себе.

— А ты и не возражала?

— Конечно нет!

— Ты когда-нибудь пыталась ей сопротивляться?

Мне не нравится, какой оборот принимает наш разговор.

— Я люблю делать то, что хочет Вики, — твердо отвечаю я.

— Джейд, Вики здесь больше нет.

— Нет, есть!

— Ты думаешь, она здесь? Прямо сейчас?

Я смотрю на Вики, а миссис Уэйнрайт следит за моими глазами.

— Вики продолжает командовать тобой, Джейд?

Я закрываю глаза, чтобы избавиться от нее, и киваю головой. Может быть, она не заметит?

— Ты чувствуешь, что не можешь от нее отделаться?

Я снова киваю.

— Ладно, — спокойно говорит миссис Уэйнрайт, будто мы обсуждаем, что ели на завтрак. — Давай сходим погулять на спортивную площадку, а Вики оставим здесь, в библиотеке.

— Она тоже пойдет.

— Не позволяй ей. Прими решение, Джейд! Оставь Вики на пять минут здесь. Пусть посторожит фотографии.

— Ей это не понравится.

— Все может быть...

— Она не будет меня слушаться.

— Будет, если ты проявишь твердость.

— Но ведь это она мною командует.

— Но ты живая, поэтому попробуй, Джейд! Нужно как следует постараться!

Усаживаю Вики и не позволяю ей подняться на ноги. Она сопротивляется, но я снова толкаю ее на стул, заставляя сесть, и без конца прокручиваю ту картинку в голове, в то время как миссис Уэйнрайт берет меня за руку и выводит из библиотеки. Не перестаю об этом думать в коридоре, на лестнице и на площадке.

— Ну вот, — говорит миссис Уэйнрайт. — Она все еще в библиотеке. Через какое-то время ты к ней вернешься, но сейчас она там, а ты здесь, правильно?

— Да... да.

— Ладно, я знаю, что без Вики ты не можешь радоваться жизни. Но есть что-нибудь такое, без чего ты не скучаешь?

Смотрю на миссис Уэйнрайт, прищурившись на солнце, и не очень представляю, что та имеет в виду. Не всегда понимаю, что люди хотят сказать. Может быть, это из-за того, что я как следует не слушаю? Вики утверждает, без нее я не могу думать, потому что глупая.

— Я не скучаю по ее дразнилкам, — вдруг отвечаю я. — Вики удивленно приподнимала брови и вздыхала, когда я говорила не то, что ей хотелось услышать. Она всегда стремилась поставить меня на место.

Миссис Уэйнрайт понимающе кивает головой.

— И я не скучаю по тем моментам, когда Вики выигрывала в любом споре. Да и спора как такового не было — Вики принимала решение, а я была обязана ей подчиниться, нравится мне это или нет. Всегда. Единственный раз...

У меня бешено колотится сердце. Спортплощадка плывет перед глазами.

— Ничего, ничего, Джейд, я тебя держу, — говорит миссис Уэйнрайт, не позволяя мне упасть. — Что ты так испуганно смотришь? У тебя все прекрасно получается.

Ничего не получается! Ничего!

Не могу я постоянно держать Вики взаперти! Она просачивается сквозь стены и окна и яростно на меня обрушивается. Закрываю голову руками и бегу куда глаза глядят. Выскакиваю из школы и проваливаюсь по щиколотку в ее цветы. Спотыкаюсь о плюшевых мишек, задеваю фотографии.

— Отлично! Еще пройдишь по мне!

Пытаюсь навести на тротуаре порядок, но цветы скользкие на ощупь, а игрушки отвратительно пахнут, как остатки еды, забытые на тарелке. Неожиданно кидаю кучу подарков для Вики в сточную канаву, но потом чувствую сильные угрызения совести и в понедельник трачу недельные деньги на обеды и десять фунтов, которые мама дала мне на новый диск, чтобы купить цветы для Вики. Белые лилии, чистые и совершенные. Я с благоговением кладу их на тротуар, и Вики тихо стоит рядом, растроганная моим поступком. Она берет меня под руку, и мы вместе идем домой и весь вечер шепчемся в моей комнате, а потом засыпаем друг у друга в объятиях.

Но на следующий день в школе у Вики меняется настроение — она болтает все уроки напролет и без конца фыркает по поводу Мадлен, Дженни и Вики-2.

Она оскорбляет Дженни, потому что у той появился новый мальчик, говорит, что Вики-2 ужасно не идет новая стрижка, потому что у нее уши торчат, а Мадлен нужен нормальный лифчик вместо двух подушек, которые выпирают из-под блузки.

Она заставляет меня идти на другой конец зала, словно я специально избегаю Мадлен и не хочу становиться с той в пару на занятии по драматургии. Вики из себя выходит, когда передо мной возникает Сэм и предлагает мне руку хотя мальчишки никогда не стоят в парах с девочками — парни хохочут, девочки хихикают.

— Не обращай внимания на толпу, — говорит, краснея, Сэм.

Я не хочу обращать внимания на Вики.

— Скажи толстому уроду, чтобы он убирался подобра-поздорову.

Я и говорю, не успев себя остановить. Сэм пожимает плечами и уходит. Он начинает картинно хвататься за сердце, как будто его отвергли, а ему на самом деле все равно. Все ухмыляются и думают: вот клоун и идиот, над которым можно посмеяться.

Только Сэм не смеется. Он серьезен, как никогда, — он-то ко мне прекрасно относился, а я опять выкинула фортель.

Мне неловко. Если Вики хочет кого-нибудь уничтожить, ей все равно. Она говорит, я слабая и глупая.

— И к тому же сумасшедшая — надо же, переживает из-за толстого дурака! Тоже мне выдумала! Разве можно назвать его человеком? На одну извилину больше, чем у поросенка!

— Прекрати, Вики! Не вредничай!

Я вспоминаю сказку о двух сестрах, которую когда-то мы читали вместе. Одна была хорошей-прехорошей (у нее с языка капал мед), а у другой изо рта выпрыгивали жабы. Вики тоже ее помнит и широко открывает рот, когда смеется. Вижу у нее в горле маленький язычок, и вдруг оттуда вываливаются маленькие блестящие черные жабы. Они скатываются по длинному розовому языку, ползут по губам и подбородку. Громко кричу, но из горла не

вырывается ни звука. Рот полон липкой сладкой тянучки. Нос тоже ею забит. Мне нечем дышать, и я утопаю в меду...

Вики щелкает пальцами — мед пропадает, жабы скачут по воздуху и исчезают.

— Берегись, Джейд! Оккультные фокусы — теперь моя специальность. Это только пробный опыт.

Улыбаюсь ей, но в глубине души (куда, надеюсь, не доберется ее взгляд) помню, что и сама я способна на волшебство. Я держала Вики в библиотеке помимо ее воли. По сравнению с жабами и медом (а также вампирскими зубами, превращениями и полетами) это, конечно, мало, но у меня все равно получилось.

Я пробую от нее избавиться, когда иду бегать:

— Хочу, чтобы ты осталась здесь, — и запираю ее в раздевалке.

заставлю

— Эй, Джейд! Не надо бежать в полную силу! — окликает меня мистер Лорример.

Приходится сбавить скорость, и я чувствую себя не в своей тарелке.

— Все нормально! Не останавливайся! Я тебя просто дразнил, — говорит он и бежит рядом. — Я под большим впечатлением. Раньше, если бы тебе пришлось спастись бегством, ты бы не сумела пробежать, как сейчас.

— Она не захотела спасти мою жизнь! — вопит Вики из раздевалки.

Я с ней не спорю, но и не слушаю — пусть она там сидит.

— Ты в прекрасной форме, хотя нужно немного поправиться. Тем не менее твое телосложение подходит для бега на длинные дистанции. В следующей четверти посмотрим, как у тебя получится мини-марафон.

— Меня нельзя выставлять ни на какие соревнования — никакого толку не будет!

— Ну, до олимпийских стандартов, конечно, еще далеко, но ты добилась великолепных результатов. Подумай серьезно про мини-марафон. Может быть, тебе недостает скорости, но есть выносливость. Ты мужественно борешься до конца.

— Только про мое поведение этого не скажешь. Зачем-то обижаю людей, — говорю я и оглядываюсь через плечо.

Вдали Сэм опять громыкает кроссовками.

— Бедный Сэм, — говорит мистер Лорример. — Плохо, что тебе обязательно надо его обижать. Он мой любимчик. Отличный парень!

кто-то,

Но сейчас я закрыла Вики в раздевалке, и ей уже не покомандовать. Когда мы подбегаем к полю, я притворяюсь, что у меня развязался шнурок на кроссовке. Я даю мистеру Лорримеру отбежать подальше, а Сэму, наоборот, меня догнать.

— Прости, что я была глупой коровой, Сэм, — быстро извиняюсь я, боясь на него посмотреть.

Повисает пауза. Может быть, теперь он не захочет со мной разговаривать?

— Сэм? Ты на меня обижаешься?

— Нет... пытаюсь восстановить дыхание, — пыхтит он. — Обид нет — одна одышка!

— Тебе не надо было со мной разговаривать. Ты был настоящим другом, а я вела себя ужасно.

— Да ладно! Можно подумать, ты хотела стать моим партнером.

— Конечно! В следующий раз буду стоять с тобой в паре, Сэм.

— Ну хорошо, — отвечает он, пытаюсь мне поверить.

Я ему докажу. И себе тоже.

Дожидаюсь следующего занятия драматургией. Перед самым началом иду в гримерную для девочек и закрываю Вики в одном из туалетов.

— Не смей меня здесь держать! — визжит она.

Но я смею, смею, смею!

Шепчу эти слова по пути в зал.

Мисс Гилмор хлопает в ладоши:

— Разбейтесь на пары!

Наступает небольшой переполох. Мадлен спрашивает, можно ли ей присоединиться к Дженни и Вики-2. Некоторые мальчишки теснятся группками, не желая вставать с кем-то в пару. Я хочу, чтобы Сэм был один, но он, как всегда, паясничает в самой середине группы и не обращает на меня никакого внимания.

Мне не надо ничего предпринимать, но я решаю сама подойти к нему.

Я сумею.

И обязательно подойду.

Направляюсь прямо к его группе.

— Что тебе надо, Попрыгунья Джейд? — спрашивает Ричи.

Вот, значит, как они теперь меня называют, потому что я дергаюсь и что-то бормочу себе под нос, когда Вики рядом. Но сейчас ее здесь нет, и я тверда как скала.

— Не надо ее так называть, Ричи, — бормочет Сэм.

— Пусть говорит что хочет. Мне все равно.

— У, девчонка-печенка! — говорит Лайам. — Дуй отсюда! Не видишь, тут одни парни стоят?

— Может, она пришла к одному из нас? — ухмыляется Ричи.

— Знаю, это к Толстяку, — говорит Лайам и давится от смеха.

— Ты угадал. Сэм, будешь со мной в паре?

Мальчишки тупо на нас смотрят. Все в зале притихли. У меня сердце вот-вот выскочит из груди. Не осмеливаюсь поднять на Сэма глаза. Наступил его час послать меня куда подальше. Может отшить меня при всех — я не обижусь. Сама виновата.

— Хорошо, конечно, я буду твоим партнером, Джейд, — говорит Сэм.

Мы уходим. Все с удивлением на нас смотрят.

— Ух ты! — шепчет Сэм.

Я хихикаю, но издаю звуки, похожие на всхлипывание. Первый раз смеюсь с...

Нет, не буду о ней думать. Попробую стать самой собой.

У нас разминка — мисс Гилмор просит разыграть глупые этюды. Сэм толчется рядом, корчит гримасы и меня смешит. Для выполнения одного задания нам нужно держаться за руки, и боюсь, что моя будет горячей и потной. Сэм осторожно берет ее в свою. У него слегка влажная ладонь, но мне нравится стоять с ним в паре.

Вокруг кто-то свистит и хихикает.

Мисс Гилмор театрально вздыхает и потом предлагает такое, что заставляет всех завизжать от удивления: девочки должны изобразить парней и наоборот. Ричи, Лайам и Райан ходят по залу, виляя бедрами. Мисс Гилмор снова вздыхает.

— Я не просила устраивать альтернативное шоу «Мисс мира», — говорит она. — Как вы думаете, кто из наших девочек может участвовать в конкурсе красоты?

— Дженни им всем даст фору! — выкрикивает Райан.

Некоторые мальчишки хохочут.

Дженни краснеет. Я тоже. В прошлом году они бы выбрали Вики. Всегда терпеть не могла, когда они свистели ей вслед (хотя, казалось, она ничего не имела против). Теперь злюсь, что они так быстро ее забыли. Словно ее и не было на свете.

— Я все равно существую! — кричит она откуда-то из коридора.

Нельзя прислушиваться — или мне конец.

— Используйте воображение, — убеждает мисс Гилмор. — Хорошенько представьте себе образ того, кого хотите показать. Все тщательно взвесьте.

— Сейчас подумаем, — говорит Сэм.

Он прищуривается и делает вид, будто внимательно слушает, — рот напряжен, губ почти не видно. Лицо вытягивается и кажется худым. Он наклоняет голову и движется как в тумане. Становится жутко. Сэм серьезно подошел к заданию и всех поразил — ребята, как и я, ожидали комичной пантомимы, но вместо веселого женского характера получился печальный.

— Да ведь это Джейд!

Я и не представляла, что так выгляжу. Конечно, это Сэм — он не смог изменить розовый цвет лица, большой живот и мальчишескую одежду, но ему удалось превратиться в меня — растерянную, не от мира сего, похожую на призрака.

— Великолепно, Сэм, — хвалит его мисс Гилмор.

Потом она смотрит на меня:

— А теперь ты, Джейд, попробуй! Стань Сэмом! Покажи, на что ты способна.

С тех пор как Вики умерла, я не была ни на одном занятии у мисс Гилмор. Я нечасто принимала участие в театральных постановках и когда Вики была жива. Она хотела, чтобы мы просто слонялись без дела и валяли дурака.

Мисс Гилмор обращается к кому-то другому. Очевидно, учителя заключили между собой соглашение оставить меня в покое. Но может быть, я сама хочу попробовать превратиться из Джейд в Сэма.

я

Сэм пристально на меня смотрит, точно я его раздеваю. Все не сводят с меня глаз.

— Как тебе это удалось, Джейд? — спрашивает Вики-2. — Ты будто превратилась в Сэма.

— Это называется театральной игрой, — уточняет мисс Гилмор.

Во время занятия она ничего мне не говорит, но, когда звенит звонок, подзывает нас обоих к себе:

— Ну, Джейд и Сэм, вас ждет звездное партнерство.

У нас глаза на лоб лезут.

— Не хотите прийти в драмкружок? А вдруг понравится? У нас дружный коллектив. Может, попробуете?

Сэм смотрит на меня, а я на него.

Мне хочется, но я не могу. Не сейчас. Нет, не сейчас. Нужно учиться думать самой. Уже не надо подчиняться Вики. Хотя...

— Давай попробуем, Джейд, — предлагает Сэм.

— Ладно!

— Отлично!

В коридоре он слегка толкает меня локтем:

— Значит, ты не против, если я стану твоим партнером?

— Я сама этого хочу, идиот.

— А не передумаешь?

— Решено, — говорю я.

А на самом деле ничего не решено, тем более с Вики.

Иду в раздевалку для девочек и глубоко вдыхаю, готовясь к встрече с ней. Там Мадлен, Дженни и Вики-2 обсуждают меня:

— Она очень странная.

— Наверное, чокнулась.

— Да, но Джейд ничего не может с этим поделать. Она стала такой после смерти Вики.

— Я всегда считала, что и до смерти Вики что-то с ней было не так.

— Мне она нравилась, но я не ожидала, что она может быть такой вредной и угрюмой. —

Мадлен краснеет, когда замечает меня. — Джейд, я говорила... я рассказывала о девочке с нашей улицы...

— Нет, вы сплетничали обо мне.

— Так им, Джейд! Скажи им все, что о них думаешь. Какая наглость! Врежь им как следует! — подначивает Вики, вырываясь из душевой кабины.

Но я закрываю глаза, заставляю ее вернуться на прежнее место и вешаю на рот замок.

Открываю глаза и смотрю на Мадлен:

— Я вела себя отвратительно. Прости, Мэдди. Вы все прекрасно ко мне относились. А я вела себя... С тех пор как Вики...

— Ой, Джейд! — восклицает Мадлен и крепко меня обнимает.

Вики за дверью издает неприличные звуки, точно ее тошнит, но я не обращаю никакого внимания. Нельзя позволять ей снова все испортить. Я хочу дружить с Мэдди, хотя она никогда не заменит Вики — слишком уж мягкий у нее характер, как большое ватное одеяло, но мы подружимся, потому что она добрая и милая девочка. Вики не мягкая, не добрая и не хорошая. Она жесткая, холодная, вредная и очень противная.

Днем мне все чаще удается от нее скрыться, но ночью она выходит на тропу войны.

Днем я могу обо всем забыть, но ночью она заставляет меня о многом вспомнить.

Мама пристрастилась со мной завтракать. С чего бы вдруг? Раньше она быстро выпивала чашку кофе, пока причесывалась и красилась. Я всегда съедала миску мюсли, стоя у раковины, уткнувшись в переносной телевизор и волнуясь по поводу несделанных уроков. Сейчас мне не до мюсли и домашних заданий. До сих пор болит горло. Какой смысл есть корнфлекс, если невозможно его проглотить и он превращается в кашу? По утрам мама на меня ворчала, но, прочитав статью в одном из журналов, стала готовить завтраки и сидеть со мной за столом. Сначала жарила яичницу с беконом, но меня тошнило от одного запаха, да и маме не нравилось, что он целый день нас преследует. Она попробовала сварить яйца и вырезать солдатиков из подсушенного хлеба, как для малышек, но и из этой затеи ничего не вышло. Яйцо в мешочек растеклось по подбородку, как желтая слизь. Тост застрял в горле, и я закашлялась. Мама разозлилась и заявила, что я просто валяю дурака и она заставит меня его проглотить, даже если придется применить силу. Я разревелась. Она тоже заплакала и начала пугать, что так и с голоду умереть недолго. Не увенчалась успехом и попытка объяснить, что это не нарочно. Мама ответила, что я просто оправдываюсь, но на следующее утро поставила передо мной миску греческого йогурта и сверху написала медом первую букву моего имени:

— На, Джейд, поешь! Йогурт не может застрять в горле.

— Спасибо, мама, но...

— Никаких «но»!

Она зачерпнула ложкой йогурт и мягко, как маленького ребенка, заставила меня его съесть.

— Пожалуйста, малышка, поешь, — сказала она.

Я открыла рот. Йогурт был нежный и сладкий и сразу попал в горло.

— Вкусно! — сказала мама, облизав губы.

— Еще! — попросила я, включаясь в игру.

ням-ням,

Удивительно — обычно нам никто не пишет. Мой конверт напечатан на компьютере и выглядит официально. Может быть, письмо из школы? Администрация предупреждает, что я не работаю в полную силу? Нет, вряд ли. А может, это по поводу консультаций с миссис Уэйнрайт? Лучше не открывать его при маме, хотя она не обращает на меня внимания, потому что читает свое письмо.

Мама подносит его близко к глазам, словно ей трудно сосредоточиться, и густо краснеет.

— Это от него? — спрашиваю я. — От твоего парня?

Мама вскакивает со стула и смотрит в сторону спальни, боясь, не подслушивает ли папа, но он как ни в чем не бывало продолжает громко храпеть.

— Нет, нет, это не от него, — шепчет мама, положив ладонь на лоб, словно у нее началась сильная головная боль. — Это... от его жены.

В изумлении смотрю на маму. Несколько секунд мы неподвижно сидим, прислушиваясь к гулу холодильника и тиканью кухонных часов.

— Я не знала, что он женат.

—

— Ой, мам, и ты ему поверила?

хотелось

— И собирается от него уходить?

— Нет, нет, она его любит. К тому же у них есть дети, два малыша. Здесь несколько страниц написано о том, как они любят своего папу.

Мама всхлипнула, прикрыв рот рукой:

— Ой, Джейд, как мне неловко! Нельзя было ее обижать!

— И что теперь?

— Одному Господу известно. Наверное, нужно с ним порвать. Я не хочу разрушать их брак и уводить отца от детей. Как же мне встречаться с ним на работе и притворяться, будто ничего не произошло?! Может быть, придется поменять работу. Боже, какие неприятности!

— Ты его очень любишь, мама?

Она не сразу отвечает и не переставая помешивает свой йогурт.

— По-моему, нет, и это самое неприятное. Наверное, если бы любила, меня можно было бы оправдать, но положила руку на сердце он был нужен мне для развлечения, чтобы снова почувствовать себя особенной, как в юности. Нет, не могу сказать, что люблю, иногда он действует мне на нервы, и тогда я не понимаю, зачем мне все это нужно. Поэтому пора заканчивать, да?

— Может быть.

— Ах, Джейд! Не надо было мне всего этого рассказывать! Ты еще ребенок, а с другой стороны, сама в последнее время много пережила — смерть Вики, горечь утраты... По-моему, сейчас мы стали с тобой гораздо ближе.

— Да, мама.

— Ты хорошая девочка. А что у тебя в письме?

СЛЕДСТВИЕ.

—

— Я не хочу, мама. Это необязательно, да?

— Ну конечно нет, милая. Зачем? Только бередить рану. Нет, мы скажем: ты не очень хорошо себя чувствуешь, например живот болит... Не переживай!

Легко сказать!

— Нет, переживай, переживай! Нельзя пропустить следствие! — возмущается Вики. — Что с тобой, Джейд?

Подруга хватается меня за плечи. Не чувствую прикосновения ее рук, но внутри все дрожит.

Пытаюсь ее изолировать, но сил сегодня не хватает.

Нужно поговорить об этом с миссис Уэйнрайт, но до пятницы я ее не увижу. Избегаю Сэма и Мадлен, потому что Вики ужасно на меня сердится и я боюсь их обидеть.

Не выхожу погулять во время большой перемены, не иду на обед. Прячусь в темном коридоре. Сажу, сгорбившись, на скамейке под вешалкой и накрывшись с головой длинным халатом для лабораторных работ. Кажется, удалось скрыться от чужих глаз, но меня замечает миссис Кембридж, когда идет в учительскую:

— Джейд?

Сейчас начнет ругаться — нам не разрешают торчать в раздевалке во время перемены, но она совсем не сердится и, отодвинув полу халата, садится рядом на скамейку.

— Бедняжка! Тебе сегодня очень грустно?

Я киваю.

— Миссис Уэйнрайт говорит, ты молодец. У тебя с ней хорошие отношения?

— Да, она добрая. Мне бы очень хотелось с ней сегодня встретиться.

— По-моему, она работает в другом месте, но, может быть, ты позвонишь ей вечером?

— Не хочу говорить при маме. Вы же ее знаете...

Миссис Кембридж кивает, и от смущения мы боимся взглянуть друг на друга.

— Извините, что мама с папой... — Мне трудно подобрать нужные слова.

— Не волнуйся, Джейд, все нормально, правда.

Она очень хорошо ко мне относится, и я решаюсь спросить:

— Миссис Кембридж, мне прислали письмо по поводу следствия по делу Вики. Попросили прийти и дать показания, а я не хочу. Мама говорит, необязательно туда ходить. Это правда?

Миссис Кембридж глубоко вздыхает:

— Мне кажется, тебе надо пойти, Джейд.

— А нельзя сказать больно?

— Ты им нужна, Джейд. Уверена, все будет нормально. Они отнесутся к тебе по-доброму. Не думаю, что устроят перекрестный допрос. Попросят тебя своими словами рассказать, как это произошло.

— Именно этого я и боюсь. Ничего не помню! Пытаюсь восстановить события, но в голове путаница. Стоит подумать о том дне, как меня начинает бить дрожь.

с

Мне хочется ее обнять! До чего же она добрая! Но Вики крутится за спиной... Нельзя ей позволять хулиганить!

Выдавливаю из себя слова благодарности и убегая. Без формы и кроссовок несусь на спортивную площадку. Ступням жарко в школьных туфлях, кофта тесна в рукавах, но я мчусь дальше. Делаю все неправильно, но, как ни странно, становится легче. Не нужно думать ни о руках, ни о положении головы. Ног под собой не чувю, словно парю. Победа! Не буду ни с кем ее делить! Я научилась бегать!

— Чушь! Прежде всего это была моя идея! Ты не умеешь бегать. Посмотри на меня!

Вики несется в тридцати сантиметрах от земли и презрительно на меня поглядывает.

— Ты только посмотри на себя! Красная как рак! Фу! Потная! В классе от тебя будет пахнуть, и никто не захочет сидеть с тобой рядом — ни Зефирина Мадлен, ни Толстый Сэм, — насмехается Вики.

— Почему ты всегда злишься? Мы же считаемся подругами!

— Ты еще смеешь называть себя подругой?!

— Что ты имеешь в виду? — замираю я.

— Неужто не помнишь? — спрашивает Вики, кружась у меня над головой.

Зажмуриваюсь, но она стоит перед глазами. Затыкаю уши, но слышу ее голос. Бегай сколько душе угодно — от Вики не скроешься.

Не могу сегодня оставаться в школе. Говорю, что болит голова, — это правда, и меня отпускают домой. Надеюсь, папа будет спать, но он сидит в кухне в трусах и халате и обводит кружком объявления о найме на работу.

— Смотрю, какие есть вакансии, — объясняет он. — От работы в ночную смену последнее здоровье растеряешь. Голова становится чугунной, и отношения с мамой не улучшаются. Не хочу разговаривать на эту тему, мне бы сейчас запереться в своей комнате и лечь в кровать, но он хлопочет вокруг меня, заставляет согнуть шею, проверяет, нет ли на руках сыпи.

— Папа, ради бога, оставь меня в покое. У меня просто болит голова.

— Да, да... Я только хотел удостовериться. Садись, сейчас дам тебе чаю. Где у мамы аспирин?

Спорить с ним — себе дороже. Плюхаюсь на стул. На столе — посуда, оставшаяся после завтрака. В мисках — недоеденный йогурт. От одного вида беспорядка меня начинает тошнить. Иду и выбрасываю остатки еды в мусорное ведро. Вдруг среди огрызков от яблок и спитых чайных пакетиков вижу скомканный конверт с письмом о следствии по делу Вики. Наверное, мама его выбросила.

— Что это? — спрашивает папа.

— Ничего особенного, — отвечаю я. — Повестка в суд.

— Я думал, следствие проводят сразу после случившегося.

— Дело отложили. Они только что начали.

— Тебя вызывают?

— Мама говорит, идти необязательно, но миссис Кембридж из школы сказала, у меня нет выбора.

— Она права, Джейд. Нужно пойти. Не волнуйся, я буду с тобой.

Не хочу, чтобы он шел со мной, и нет никакого желания идти с мамой. Родители без конца ссорятся по этому поводу, но в назначенный день оба стоят принаряженные, как на похороны Вики, и готовы меня сопровождать.

Чувствую себя отвратительно, потому что почти не спала. Пытаюсь сообразить, что нужно сказать, но в голове пусто — только ужасающая тишина и крик Вики.

Крик не смолкает. Трясу головой и потираю уши.

— У тебя болят уши, Джейд? Ты ужасно выглядишь. Следствие до добра не доведет — только душу разбередит. Зачем ты уговорил ее пойти? — спрашивает мама, испепеляя папу взглядом.

— Нельзя отлынивать, а тебя могли привлечь к ответственности за уничтожение письма. Типичный поступок! Никогда не хочешь посмотреть правде в глаза!

— Это ты зарываешь голову в песок! — резко отвечает мама.

Я оторопело смотрю на обоих. Они ссорятся не только из-за следствия.

— Мама, папа...

Родители вспоминают про меня и как по команде берут за руки — мама за левую, а папа за правую.

— Постарайся не волноваться, Джейд, — успокаивает мама.

— Я с тобой, детка.

Мы не держались за руки с тех пор, как я была маленькой. Замираем, словно скованные, потом начинаем ерзать и отпускаем друг друга. Они идут рядом со мной по дороге мимо школы, где на тротуаре лежат пожухшие букеты Вики.

Я много раз проходила мимо старых зданий, но не знала, что в них находится.

Поднимаемся по ступенькам. Мама с папой испуганно озираются по сторонам. Служащий с вышитыми на пиджаке коронами записывает мою фамилию и просит подождать в приемной. Родители Вики уже там. Оба сильно изменились — похудели и загорели, но у них больной вид. У мистера Уотерса пропал живот и исчезли пухлые щеки. Миссис Уотерс тщательно загримирована. Несмотря на стильную стрижку, она сильно постарела, почти как бабушка Вики.

Не знаю, что сказать. Все молчат. В конце концов папа Вики нам кивает, и мой папа вежливо спрашивает, как дела, что совершенно не к месту. Мистер Уотерс отвечает: «Спасибо, хорошо», — что тоже глупо. Мама тихо бормочет по поводу того, какое это испытание для всех нас. Мама Вики молчит. Она уставилась на меня, и я чувствую себя виноватой. Хочу ей сказать, что в гибели Вики нет моей вины.

Но я ошибаюсь.

В комнату быстро входит бледный мужчина средних лет в тщательно отутюженном костюме и черном галстуке. При виде мистера и миссис Уотерс он меняется в лице. Наверное, это водитель. Мне он казался гораздо выше. Садится в противоположном конце комнаты — подальше от родителей Вики — и не знает, что делать с руками, лишь сгибает и разгибает пальцы. Я представляю, как они сжимают руль. Если бы он смог вовремя свернуть...

Водитель не виноват — он ехал очень медленно. Вики неожиданно выбежала на дорогу прямо перед его машиной. Он не смог ничего сделать и нажал на тормоз. Помню ужасный скрип, а потом Вики вскрикнула...

— Джейд, — спрашивает мама, — у тебя голова кружится? Опусть ее вниз.

Мама пытается меня согнуть. Я смущаюсь и вырываюсь у нее из рук:

— Все нормально... Не надо!

— Ты побледнела как полотно. Нужно попить водички.

Папа вскакивает со стула и бежит к автомату по продаже напитков:

— Хочешь кока-колы?

Потягиваю напиток из банки. Кола стекает по подбородку и капает на белую блузку.

— Джейд! Можно поаккуратней? — шипит мама и вытирает пятно носовым платком.

Мне неловко. Понимаю, мама с папой стараются меня поддержать, но неприлично ухаживать за мной на глазах у родителей Вики, потому что у тех больше нет дочери, о которой нужно заботиться.

Комната наполняется людьми. Входит женщина. Она вызвала «скорую помощь».

Остальных свидетелей я не знаю.

— Может быть, тебя не попросят давать показания, — шепчет мама. — Вон сколько людей пришло. Ты все равно не помнишь, что тогда случилось.

В полдень вызывают меня.

— О господи! — вздыхает мама. — Удачи тебе, детка!

Она снова трет пятно на блузке.

— Все будет хорошо, Джейд, — говорит папа, сжав мне руку.

У него холодная, но потная ладонь. Не знаю, жарко мне сейчас или холодно. Не чувствую своего тела. Мне кажется, я парю в воздухе рядом с Вики.

— Сегодня у нас особенный день, правда, Джейд? — восклицает она. — Пора совершить путешествие по дороге памяти.

Меня приводят в большую комнату. За кафедрой сидит мужчина. Рядом с ним — полицейский и стенографистка. Кто-то просит говорить только правду.

Мой голос похож на мышинный писк.

— Итак, Джейд, расскажи нам, что произошло четырнадцатого числа в полдень, когда вы с Викторией вышли из школы.

Он выжидающе на меня смотрит. Я сглатываю, открываю рот, но теряю дар речи.

— Не волнуйся, Джейд. Не торопись. Расскажи своими словами.

У меня их нет. Слышу только крик Вики.

— Вики закричала, когда ее сбила машина, — шепчу я.

— Да, да. А что было до этого? Вспомни, что произошло до несчастного случая.

— Я... я не знаю... Мы выходили из школы и шли по тротуару, и вдруг появилась машина, и Вики закричала...

— А что было до этого? — настаивает он. — Ты сказала, вы шли по тротуару?

Вдруг я вижу нас обеих, Вики и Джейд. Мы идем под руку, как всегда. Нет, не под руку.

— Мы ссорились, — говорю я.

Вижу, как Вики ударяет меня портфелем по бедру и чувствую сильную боль. Мне становится плохо.

«Ну, почему ты не отошла в сторону, Джейд?» — спрашивает Вики, потирая мне бедро.

«Отстань! — Я шлепаю ее по рукам. — Как же, стукнула меня портфелем, а я еще и виновата!»

«Да я сейчас тебе снова портфелем заеду, но уже по голове! Слышала бы ты себя!» — смеется Вики.

Но мне не до смеха, даже когда Вики корчит смешную рожицу, закатывает глаза и высовывает острый язык.

«Пора повзрослеть, Вики!»

«Еще чего не хватало!»

Устав дразниться, она вздрагивает и снова берет меня под руку, но я еще не готова к перемирию.

«Убирайся! — вырываю я руку. — Иногда ты становишься невыносимой!»

«Да хватит тебе дуться! Ты же знаешь, что меня любишь», — говорит Вики, повиснув на мне.

«На этот раз не будет по-твоему! Катись отсюда!» — говорю я и толкаю ее.

Вики слегка пошатывается, как будто от удивления. Потом ухмыляется — хочет показать, что ей все равно.

«Ладно», — говорит она и выскакивает на дорогу, не оглянувшись по сторонам...

И тут раздается крик.

Я ее убила.

Помиришь мы тогда — так бы и шли под руку по тротуару... Машина проехала бы мимо, и жизнь продолжалась бы...

Она прекратилась, когда Вики вскрикнула.

Я и сейчас слышу ее крик. Он становится все громче. Звенит в голове, вырывается из горла.

Ко мне подбегают, и я выскакиваю из комнаты. Кто-то пытается удержать, но я вырываюсь.

Несусь по коридору к двери и оказываюсь на улице. Бегу, бегу, бегу...

Вики летит рядом. Не знаю, куда меня тянет — к ней или от нее. Ничего не знаю. В голове пустота. И правда.

Я вспомнила.

Я во всем виновата.

Бегу по дороге. Кто-то мчится следом и зовет меня, но я не могу остановиться. Несусь по городу к школе, оставляя позади ворота, поскользываюсь о цветы, разбрасываю ногой игрушки и слышу шум машины. Выскакиваю на дорогу...

Скрип тормозов, крик, мой крик...

Вдруг чьи-то руки оттаскивают меня в сторону, впившись в плечи и ухватившись за одежду.

Поворачиваюсь. Это Вики.

Водитель машины грубо на меня кричит и проезжает мимо.

— Ух! Вот это ругается! — восхищается Вики и хохочет.

— Ты меня спасла, а я тебя не смогла. Я во всем виновата. Это я тебя оттолкнула.

— Ты меня действительно отпихнула, но не толкала под машину. Ты же знаешь — я сама выбежала на дорогу. Ты не виновата. Это моя вина. Мне не повезло — я попала под машину. А тебе повезло, и машина проехала мимо. Вот и все. Подумаешь!

— Ах, Вики, я тебя люблю!

— И я тоже.

Мы крепко обнимаемся. Чувствую ее тепло, гладкость кожи, шелковые волосы и...

— Что еще?

Вики заглядывает себе через плечо.

— О господи! — смеется она. — Получилось! Я стала Вики-Ангелом.

Мы долго стоим, обнявшись. Когда ко мне подбегают мама с папой, Вики устремляется ввысь. Она хлопает белоснежными, как лебединый пух, крыльями, в последний раз машет на прощание рукой и улетает.